

В. М. Б. М. Б.

1888

И. П. О. Н. У. М. Е. Ч. И. М. Е. Ч. И. К. О. В. А.

841.79
Зітка-Основьяненко.

САМОНЕНКО
ІВАН ПИСАРЬ.

В ТРЬОХ ДІЯХ.

БІБЛІОТЕКА
1-ої
Української Кооперативної
ПРОСВІТИ
імені Тараса Шевченка

ІВ. САМОНЕНКА
КИЇВ

891.89-

Сіст. Т. Грицько Квітка-Основьяненко.

Хрон. 1873.

Формат

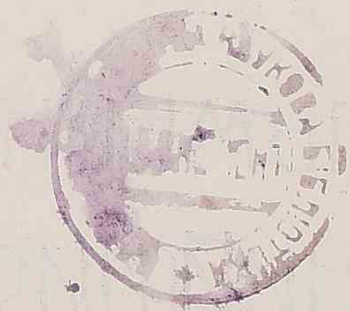
ШЕЛЬМЕНКО ВОЛОСНИЙ ПИСАРЬ.

КОМЕДІЯ В ТРЬОХ ДІЯХ.

БІБЛІОТЕКА
1-ої
Української Кооперативно-
ПРОСВІТИ
імені Тараса Шевченка

ВИДАННЯ ІВ. САМОНЕНКА
КИЇВ

Шельменко, волосний писарь.

Комедія в трьох діях.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Губернаторъ.

Порошковскій—членъ врачебной управы.

Секретарь рекрутскаго присутствія.

Чаркодуевъ—повытчикъ.

1-й писецъ.

2-й писецъ.

Трофимычъ—волостной голова.

Шельменко—волостной писарь.

Никита Михайловъ—крестьянинъ.

Степанида—мать его.

Софронъ—крестьянинъ.

Бутылочкинъ—трактирщикъ.

Унтеръ-офицеръ.

Просители крестьяне и крестьянки, солдаты и слуги трактира.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

Дѣйствіе первое.

Простая изба. Разсвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Никита въ цѣпяхъ сидитъ у стола, на которомъ ломотъ хлѣба, кружка и догорающая свѣча. У дверей Софронъ и Крестьяне спятъ, прислонясь къ стѣнѣ, въ рукахъ дубины.

Никита (вздыхаетъ и помолчавъ). Вотъ ужъ и разсвѣтаетъ, а я и глазъ не смыкалъ! Что то со мною будетъ? Тоска нестерпимая! Говорятъ люди, что только и житья, что богатымъ, что имъ все удастся, что всѣ ихъ уважаютъ... (схватываетъ цѣпь). Вотъ какъ уважаютъ! За что на меня

Київ, 1914.

Друк. Акц. Т-ва „Петро Барський в Київі“.

такая напасть? Не придумаю... Что я кому сдѣлалъ?.. Эхъ кабы и былъ одинокъ! Послужилъ бы Богу и государю вѣрой и правдою, со всѣмъ усердіемъ и охотою, все свое имущество роздалъ бы бѣднымъ, роднымъ и чужимъ... Но матушка!.. На кого мнѣ ее покинуть? (*Плачетъ*). Въ бѣдѣ найдутся и враги, и обиралы: доведутъ ее, мое сердечушко, до нищеской сумы... А постигнетъ болѣзнь, въ старости... Кто ее присмотритъ? (*Болше плачетъ*). Кто ее успокоитъ? Кто... (*Горько зарыдалъ*) кто закроетъ ея глаза? О, матушка моя! Родная моя! Одну ты имѣла на свѣтѣ радость, и той тебя лишили, и не дали несчастному сыну твоему принять поспѣдняго благословенія...

Софронъ (*между тѣмъ проснувшійся*). А! ну, што ты, Микита? Знай все плачешь? слезами ничего не поможешь. Терпи!

Ник. Хорошо бы и терпѣть, да и на все идти, кабы я одинъ былъ; но какъ вспомню про родную, да подумаю: на какую горькую жизнь она остается, такъ вѣришь ли?—Господи прости!—самъ бы на себя руки поднялъ! Ты, Софронъ, чай, былъ на сходкѣ; скажи мнѣ, Мироновичъ, на милость, за что меня присудили въ отдачу? Недоимка за мной не числится, общественная работа не стоитъ; я одинъ отъ отца, дядья сами по себѣ, и служба за ними есть уже. За что меня приговорили?

Софр. А кто тебя знаетъ! На сходкѣ я не былъ; а, знаешь, зачѣмъ? затѣмъ, што на тебя и сходки-та не было. Тебя отдають такъ на-чисто: пришла бумага — вотъ и все тутъ. Кто тебя знаетъ, я не знаю.

Ник. Бумага? Стало же, отъ начальства? А я родясь, кромѣ капитанъ-исправника, другого начальства и въ глаза не видалъ, и въ городъ не бывалъ; дурныхъ дѣлъ и по слуху не знаю, не то чтобы самому бездѣльничать. Покойный отецъ мой не на то меня грамотѣ научалъ, чтобы я сталъ недобрымъ и негоднымъ, а старался наставить меня на добрый путь.

Софр. Ну, вотъ, вишь ли: какой тебѣ путь лучился, такъ и терпи. А объ матушкѣ не кручинься; ино дѣло кабы бѣдность, а то, не бось: проживетъ вѣкъ, да и не охнетъ, вспоминаячи тебя.

Ник. (*вздыхаетъ и молчитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Шельменко, въ тулупъ и шапкѣ; на плечахъ большой войлокъ. Софронъ торопливо разбуждаетъ крестьянъ, кои, вскочивъ, становятся у дверей съ дубинами.

Шельменко (*снимая съ себя войлокъ и протирая глаза*).

О, та й змерз же я цупко! Але нічого й не бачу. Та й дріжаків наївся. Агов! Калавурні! чи все в вас справно?

Софронъ. Да што? Кажися, всѣ цѣлы—и мы, и некрутъ. Вотъ всѣ на глазахъ.

Шельм. (*отдавая ему войлокъ*). Візьми ж опанчу та заховай, та й гляди, як ока; а то між москалями й не счуєся, як стягнуть. А голова був?

Софр. Нѣтъ, не бывалъ еще.

Шельм. Де він там у гаспида блукає!? Ще щоб не втяв чого на пакість. Від москаля усього станеться. (*Пододошедъ къ задумавшемуся Никитѣ, садится подлѣ него*). Здоров, Микито! Чого бо ти журился? Оце ще! Гай, гай! не знать що ти, голубчику, робиш! Чого таки плакати?

Ник. Какъ мнѣ не плакать, Кондратъ Терентьичъ?

Шельм. Та таки, далєбі, що нічого. Не ти один будеш у службі. Слава тобі Господи! Є салдатів по всьому світу, тисячі чотири, ксли й не більш; не дадутъ зажуритись. Годі ж, годі, гляди веселенько! (*Надѣваетъ на него свою шапку*). Дивись! який, будучи, з чорта гарний москаль буде! Е! жинь лихом об землю! Я ж кажу—тільки й страшно трохи, поки приміряють та оглядають! а далі, ак крикнуть: лоб! так де тая й хвабрість візьметься! Е, Микито, Микито! Ти еси дурень, не знаєш свого щастя!

Ник. Какое, дядюшка, счастье?

Шельм. Як, яке? Як надінуть на тебе, будучи, мундер та позашіпають усюди гапликами та, тее-то, й сюди китиці, й туди китиці, а тут, будучи сказать, гудзики, так такий, стало битъ, будеш страшний, що до тебе ні приступу. Та ще; будучи, може в нас на селі, тее-то, і на кватері стоятимеш, та як підеш по юлиці,—шапка на тобі козацька, китиці ті-ліпаються, а тее-то, шаблюка у боку тільки: брязъ, брязъ брязъ! Або як вийдеш на вечорниці та як утнеш на шпорах гопака, так, будучи, дівчата усі за тобою; та знай кричатимуть: москалю! господа служивий! А ти, будучи сказать, на їх і не дивися, тільки, тее-то, покрикуєш: аште, та наште, та пайді геть себе! А як, будучи, прийдеш на кватеру, зараз і кричи: хазяйко, давай, таво, вечерять паскареіча! А вона й питається: а чого зволите, господа москалю? а ти й приказуй, будучи, сказать: курку звари, другу зпечи, яешню спряжи, та молшну кашу до перцю, та подавай горелкі-ста. Оттак-то, Микито, й ти, будучи сказать, і ти будеш. А що? правда моя?

Ник. (*не слушающа его*). Бѣдная моя матушка! На кого она останется?

Шельм. Та об паньматці не тужи. Вже, стало битъ, ябкнам її покинути? А, будучи, знаєш що, Микито? Я тее завжди, тее-то, любив, мов брата ріднесенького, то як, бу-

дучи сказати, забриють тобі лоб, то я—однаково у вас захожий, сирота, ні батька, ні матері,—то, я тее-то, візьму її замість матері, й, будучи, вже в неї й житиму, й глядітиму її; а як, будучи, помреть, то поховаю, стало бить, не наче міщанку: дев'ять обідів справлю і, тее-то, усіх старців нагодую. Коли й ти вернешся, то будемо жити, гм... як брати; а коли, будучи, не вернешся, що, нехай Бог боронить, тебе вб'ють, то я й тебе відпоминаю і, тее-то, і у граматку запишу *убиєнного Микиту*. Не журися ж, братику. Бач, вже я з тобою, будучи сказати, і побратався. Не журися: твоїй матері буде добре.

Ник. Все такъ, дядюшка; да ты не будешь ей сыномъ!

Шельм. Та, далєбі, що буду! От, ей! велике слово! Бач, аж, будучи, забожився. Я ж тобі, стало бить, кажу: що як віддамо тебе та вернуся додому, то так, будучи, у твою хату мерщій і перейду, та й буду доглядати худоби і, будучи, і матері твоєї. Будь же, тее-то, веселенький. Та як, будучи сказати, приведуть тебе у привод, то не дивись сторч, як тепер дивисся; а так, тее-то, веселенько, мов дівчата з тобою жартують. Та ще, слухай, ось що: як стануть тебе у приводі судящі питати, як тебе, будучи, зовуть, або-що, то ти їм кажи по письменному. Чи знаєш, як-то по письменному?

Ник. Я тепер и ничего не знаю.

Шельм. Ось бач: тебе зовуть Микитою, а ти по письменному кажи, будучи, Микихвор. Прозиваєся ти, козаче тее-то, Михайлов, а по письменному треба нада, стало бить Міняйлов.

Ник. Да я, дядюшка, пишуся Михайловъ.

Шельм. Еге! та що будеш робити, коли по справці так оказалось! Чи ти читав, будучи тее-то, ревизькії сказки?

Ник. Нѣтъ, дядюшка, я только церковное читаю,

Шельм. А гражданське?

Ник. Только и читаль, что „Путь ко спасенію“.

Шельм. А скорописне утнеш?

Ник. Нѣтъ, не дошелъ до такой премудрости.

Шельм. Так такий-то ти, бачу, письменний! (*Смѣется*). Ге, ге, ге! а бодай вас вчилось! Дивися ж, голубчику: та що ж то міні з невченням і толкувати? Ти мене, будучи, і не второпаєш, що я тобі казатиму. Слухай же, як воно є (*Разводитъ пальцами по столу*): Ось осьдечки Михайлов, а отгучечки Міняйлов; так оце, будучи, узявши від Михайлова і-хір-аз-ха-і-й, та й притулити, тее-то, до Міняйлова, а від його вирвати і-наш-аз-на-на-і-й, та залатати дірку, будучи, у Михайлова. Чи розумно тобі? Ось так усе учені роблять: де їм не до шмиги, то й вирвуть, а де кінців не зведуть, так там, чим попадая, латають. Та се вже, слідова-

тельно, будучи сказати, хоч до якого хоч дяка піди, то ти тее-то, Микихвор Міняйлов: так і відкликайся, а то як панам та не по письменному, стало бить, скажеш, то-то розсердяться; ти ще гляди, щоб і не налаяли! Еге, з панами так: я вже їх дуже знаю. Та й годів тобі, кажи, будучи сказати, двадцять чотири.

Ник. Не будетъ, дядя; мнѣ только двадцать.

Шельм. Ні, не так. Я ж сам, будучи, у метриці читав, що тобі, тее-то, двадцять чотири годи. Та на от і сам подивися, лучче всього (*Подаетъ пустую бумажку*).

Ник. Не знаю цифири.

Шельм. Чого ж і спориш, коли нічого не тямиш! Се вже, будучи, справді, неначе на великих школах вчений, про все спорить, а воно, тее-то, як по справці оказується, і гражданського не вкусить. (*Смѣется*). О, бодай тебе! (*Встаетъ*). Ну, тепер, будучи, зовсім. Гов! сторожа! А кете-лишень чого поснідати!

Софр. Дагдѣ я тебѣ возьму? Ничего нѣту-тѣ.

Шельм. (*осердясь, дразнитъ его*). Табе, табе! А ти, будучи, не вмєш звичайніше назвати. Се ти не з своїм братом мужиком, будучи, варнякаєш, а бач, тее-то, з паном писаром; так так би і звеличав, як там, будучи, кажуть, дядюшко, або, тее-то, пане писарю Терентович. А то здуру, як з печі. Ека мужик! Унеси ж сюди, будучи, я привіз мерзлої тарані, то ке сюди, та поснідайте і арештанта нагодуйте.

Ник. Благодарствую, дядя, мнѣ ѣда и на умъ не идетъ. Вотъ и вчерашній ужинъ, я къ нему и не дотрогивался. Я вотъ все о чемъ думаю: за что на меня такія напасть? По какому резонту меня отдають?

Шельм. (*важно*). А по такому резонту, що, будучи, си-річ обаче і поелику, гм, гм, тее-то... та що тут базікати! якби ти вмів скорописне, то ти б сам і прочитав, що тутечка написано. (*Вынимаетъ ту же бумажку*). Слухай, я тобі, будучи, прочитаю: Ме-ме-ме-дондеже, будучи, ме-ме-ме-мо-жаху ме-ме... скоропостижно, представить... ось бач! представ-віть, еге! пом-слово-тітла-пом... оце-то нас і заплутало... а ось-осьде: віддати у рекрути... бач! у рекрути, еге! ох, головонько наша бідная! а ну, що дальше: бач, хоч сам читай: наш-і-ни, Ни, како-и-ки, ки, Ники, хверт-он хво, хво, Никихво, ерци аз-ра, а по верхих, Никихвора Міняйлова; слідовательно, тут справка чистая: тебе віддати у рекрути. Гм, так що ти після сього будеш робити? се, голубчику, предпісаніє від начальства, а писаніє глаголетъ: екачи, враже, як пан каже.

Ник. Да не можно ли, дядюшка, Кондратъ Терентъичъ, какъ нибудъ, знаєшь? Поклонился бы твоей милости сотенькою.

Шельм. Та що се ти міні говориш? міні душа ще й самому згодиться, а не то, щоб за мою брехню чортяки моім язиком, тее-то, мов ополоником, кип'ячу смолу мішали, а мене б, будучи, потрошили на липину для підпалки. Єй, не можу ні узяти, ні тебе визволити. Міні тебе жалко; так от, сам бачиш, будучи, предпісаніє. *(Встаєть и надъ-ваєть шубу, въ сторону)*. Утекти мерщій, а то дуже жалібно проситься, щоб я іноді не спіткнувся: щсб за сотнями, та не процвиндрив його тисячі. Хлопці! я піду голови ськати, а коли, будучи, він буде тутечка-здесечка, так нехай, тее-то, мене дожида тута-здєся. Гляди ж, будучи, Микито, не забувай, що я тебе вчив. *(Уходя)*. Навчив його на все добре, — буде дякувати.

Ник. *(по уходъ его)*. Все таки я не узналъ, за что именно меня отдають; за что, какъ скотину на убой, ведуть на явную погибель? Почему я изъ Никиты Михайлова долженъ стать Никифоромъ Миняйловымъ? Отчего судьи разсердятся, коли я не так назовуся? судьи должны знать святую правду. О! кабы я возимѣлъ смѣлость, да рассказалъ бы имъ всю истину! Не надѣюсь... проймають слезы и погибъ несчастный Никита! Нѣтъ у меня ни пріятеля, ни добраго челоуѣка, кто бы далъ мнѣ благой совѣтъ. Словно сумасшедшій, словно во снѣ все вижу.. О! кабы я заснулъ на вѣки сію же минуту...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Ть же и Степанида входитъ постыжно.

Степанида *(бросаясь къ сыну)*. Вотъ мое ясное солнышко! Вотъ мой Микитушка! голубчикъ мой! *(обнимаетъ его)*.

Ник. *(въ большой радости)*. Матушка родная моя! Ты мнѣ, какъ ангель съ небеси, явилась!

Степ. Еще меня Богъ помиловаль! еще далъ мнѣ тебя увидѣть-та. Да што жъ ты это, мой родимой, закованъ? Ужъ не наказаль ли тебя Богъ?..

Ник. Нѣтъ, родная! Я все твой честный сынъ; все еще молитвами твоими сохраненъ отъ всякаго зла. Ты развѣ ничего не слыхала обо мнѣ въ нашей деревнѣ?

Степ. Ничево, мой соловушка! Вотъ какъ позвали тебя къ головѣ и ты пашоль, да тебя и нѣту-тѣ. Я ждатель-ждать, да и горюю! охъ моя головушка! а тамъ ужъ и плачу, и тебя, мое утѣшеніе, разыскую. Никто мнѣ ничего не говорить; я къ головѣ; онъ, знашь, мужикъ гордой, велѣлъ меня взашей вытолкать. *(Голосомъ головы)* „Почему я знаю, гдѣ твой бурлака гуляетъ!“ Господи милостивой! заплакала я: ужъ какой-то мой Микитушка бурлака? Онъ

словно красная дѣвица! Ну, и плачу, и пошла къ нашему писарю, къ хахлу-та; а онъ началъ меня на смѣхъ подымать да матушкой называть, да што-та по своему индюматъ да шечему разговору квакаль-квакаль, я и не разобрала; да иду плачучи къ батюшкѣ священнику посовѣтоватца-та: а кума, знашь, Василиса, мнѣ навстрѣчу, да и сказала, што тебя, моево сыночка, моево Микитушку, повезли за калау-ромъ въ губернію. Вотъ я поскорѣй къ тебѣ и пріѣхала.

Ник. Какъ же ты, родная, добралася сюда?

Степ. Племянниковъ Мироха, спасиба ему, знавши мою бѣду и видячи, што я плачу, што вотъ какъ рѣка льетца, и убиваюсь, словно рыба на пескѣ, взявши, сторжился со мной довести сюды-та. Вотъ, какъ вѣхали въ городъ, гляжу: большой! домовъ много! а въ какомъ ты? неизвѣсто! Кого спрошатель и гдѣ искатель? Горе меня одолѣло! Мироха и говоритель, што онъ знаеть дворъ, гдѣ наше начальство вѣзжаетъ. Ну, вези же, голубчикъ, когда знаешь! Вотъ и дошмыгъ сюда во дворъ; я такъ и закричала: тутъ мой Микитушка, тутъ мой ясный мѣсяць!

Ник. Онъ же не слыхаль тебя?

Степ. Нѣтъ, я еще поодаль отъ него была, да и подумала: незымы! какъ онъ выдетъ, тогда ужъ я пойду отыскивать своего Микитушку. Ужъ на все пойду, смерть себѣ отъ враговъ найду, да ушь хоть бы мнѣ взглянуть-та на него.

Ник. О, матушка моя, Степанида Гавриловна! самъ Богъ тебя послаль! Теперь мнѣ веселѣе и горе свое встрѣчать, что я вижу тебя, получу родительское благословеніе.

Степ. Да што же ты, мое красное солнышко, скованъ? Што ты имъ сдѣлаль?

Ник. Ничего я, матушка, никогда худого не сдѣлаль и ввѣкъ не сдѣлаю, а заковали меня затѣмъ, что.. родная моя! перенеси горе, не убивай себя! Меня... велѣно отдать... въ рекруты!

Степ. *(вскрикиваетъ)*. Хто повелѣль?

Ник. Начальство прислало указъ.

Степ. *(поражена, удерживается, чтобы не зарыдать и едва можетъ говорить)*. Указъ? Воля Божья и государева! Больно мнѣ... охъ! тяжко... Што жъ, Микитушка! не моги спорить противъ начальства, Богъ тебѣ поможетъ и меня горкую, мать безчадную, не оставитъ! Да за што-й-та тебя повелѣвають отдать? Што ты кому сдѣлаль, и почему начальство тебя знаеть?

Ник. Ничего не понимаю. Не плутни ли это головы съ плутомъ писаремъ?

Степ. Да ты же говоришь, што бамага объ тебѣ пришла?

Ник. Читаль мнѣ ее писарь; да кто знаетъ, правда ли еще? Мы люди темные, что можемъ сдѣлать противъ ихъ хитростей?

Степ. Да погоди же. За што эдакая на насъ напасть? Какъ таки можно у человѣка послѣдній глазъ вынимать? Какъ отнять у матери послѣдняго сына, и кормилица, и оберегателя? Вѣстимо, што это враги наши убиваютъ насъ, Хто насъ теперева защититъ? Пусть возьмутъ все богатство, ничего не пожалѣемъ, а штобъ только насъ не разлучали, не уводили бы тебя, мае сокровище, въ конецъ свѣта, дали бы мнѣ бѣдной, горькой сиротиночкѣ нарадоваться тобою, женить тебя, налюбоватца тобою въ парочкѣ, навеселитца твоими птенчиками...

Ник. Прошли наши радости, родная! Благослови меня тепрь на новую жизнь! даютъ мнѣ въ жену саблю острую, приданое беру—пули свинцовыя...

Степ. Да коли жъ это голова съ писаремъ мудрятъ, такъ по какой же это правдѣ?

Ник. Скажи мнѣ матушка, какъ мы пишемся: Михайловы или Мѣняловы?

Степ. Вот! Мы Михайловы, кормилецъ, отъ дѣда да и еще и повыше; а Мѣняловы особо, въ нашей таки деревнѣ, да вымерли безродные. Одинъ остался, да и тотъ съ семьей бѣжалъ на вольныя земли.

Ник. Что жъ это, родная? Шельменко наказывалъ мнѣ много, чтобы я назывался Мѣняловымъ? Такъ и бумагу читалъ. Не плутни ли это его съ головой?

Степ. Да таки въ правду, што плутни. Съ чего бы тебя, одного въ семьѣ, да и брать? Ужъ не пожалѣтца ли мнѣ на такую обиду? Да только—кому? Чай, тутъ въ губерніи есть какой голова, да можетъ еще старшѣй надъ нашимъ? Побѣгу-тка я къ нему, да стану просить за тебя, штобы не брали тебя-та.

Ник. Иди, моя матушка, моя отрада! Проси за меня; а здѣсь не голова, здѣсь губернаторъ—надъ барамы баринъ, надъ господами господинъ.

Степ. Охъ, Микитушка! Да коли жъ онъ надъ господами господинъ, такъ онъ въ наши мужицкія дѣла и не помѣшаетца-та.

Ник. Нѣтъ, матушка, не такъ. Мы всѣ дѣти у нашего батюшки-государя. Ему всѣ равны: что баре, что мужики, что богатые, что бѣдные. Онъ всякаго изъ насъ жалѣетъ и, дай Богъ ему многія лѣта, желаетъ, чтобы никто не обижалъ другъ друга. Но какъ царство его обширное, дѣтушекъ много, а до Бога высоко, до царя далеко, такъ онъ и поставляетъ губернаторовъ, изъ выбранныхъ выбраннаго и изъ усердныхъ усерднаго; вотъ и поручаетъ насъ ему и

крѣпко приказываетъ, чтобы никто не былъ обиженъ, и чтобы всюду была правда и порядокъ. Иди, матушка! Богъ тебѣ мысль послалъ. Проси губернатора; и коли я по правдѣ отдаюсь, такъ благослови меня, и не вздохнемъ: поручу тебя милосердію Божію и съ радостію пойду на врага, хотъ на нѣмца, хотъ на француза, и не убоюсь басурмана турка. Исполню волю царскую; за то Богъ меня не оставитъ и возвратитъ къ тебѣ здрава и нерушима. Коли же нѣтъ обо мнѣ правды, то губернаторъ все узнаетъ, меня отпустить и тебя обрадуетъ.

Степ. Головушка наша бѣдная! Какъ до него доступить? Когда до нашего головы не поступишь, а ушь тутъ, въ губерніи, начальникъ, чай, гордѣй нашего сельскаго.

Ник. Нѣтъ, моя родная! Кто изъ мужиковъ дослужится хотъ до маленькаго начальства, тотъ всегда и на всякомъ мѣстѣ останется мужикомъ: все гордится и недоступенъ, все требуетъ, чтобы его уважали; анъ, напротивъ, за его гордость всѣ презираютъ и почтенія ему душевно нѣту. А кто изъ барина баринъ, такъ его чѣмъ ни поставь, куда ни опредѣли, онъ все одинаковъ: все ласковъ, всѣхъ допускаетъ, выслушиваетъ и любитъ правду, паче злата и топазія, и бисера многоцѣннаго.

Степ. Микитушка! соловушка мой! Што-жъ я ему поднесу? Нѣтъ у меня тутъ ни курочки, ни хлѣбушка, да и деньжонокъ мало схватила.

Ник. Избави Господь! Не носи ничего.

Степ. Какъ же? Когда приказано къ головѣ безъ приносу не ходить, а тутъ побольше его...

Ник. Вотъ то-то и есть, моя родная! У мужика и обычай все мужицкіе, все подлое да гнусное: онъ для злата не боится прогнѣвать Бога, отвѣчать предъ царемъ, и стыда не страшится. А господинъ, ни самой маленькой, не поидетъ на такое беззаконіе: онъ знаетъ судъ Божій и царскій, и стыдъ отъ людей. Иди, матушка, не медли!

Степ. (поспѣшно собирается). Иду, Микитушка! Сейчасъ бѣгу, ясное мое солнушко! и принесу тебѣ радощну вѣсточку. Чуетъ мое сердце, што губернаторъ насъ пожалуетъ, (Собравшись, останавливается). Да куда жъ я пойду-та? Гдѣ его искать?

Ник. Спроси, матушку, рекрутской привождь; тамъ и губернаторъ; проси всѣхъ, поступи къ нему и расскажи всю правду. Поспѣши, моя родная! Утро,—скоро меня въ привождь поведутъ, тогда ничѣмъ не воротись. Богъ тебѣ поможеть: о себѣ стараешься.

Степ. (поцѣловавъ его въ голову). Иду, мой сыночекъ! Все расскажу ему, все... (Скоро уходитъ).

Ник. Ахъ! кабы она не опоздала, кабы достигла! (Бросается на свою скамью). Грусть меня замучить, пока узнаю мою судьбу. Меня такъ скоро схватили, что не успѣлъ взять своей псалтыри, отцовскаго благословенія. Теперь въ горѣ читалъ бы и пользовался, и получалъ бы утѣшеніе. Утѣшеніе!.. (Вздыхаетъ и пригорюнивается).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Трофимычъ и за нимъ Чаркодуевъ.

Трофимычъ. Што? все ли у васъ исправно-та?

Софронъ (кланяясь). Все хорошо.

Троф. А панъ Шельменко былъ ли здѣсь-та?

Софр. Былъ и онъ. Спросалъ вашей милости, да и пошелъ себѣ.

Троф. (Чаркодуеву) Ну, Савастьянъ Ахремичъ! смотри, годитца ли? Вѣдь мы знаемъ, што въ тебѣ вся сила.

Чаркодуевъ (вошедъ, осматривалъ все и, увидя на столѣ кружку, съ радостію бросился на нее, отвѣдалъ, и съ неудовольствіемъ оставилъ). Смотрѣлъ, вселюбезнѣйшій! и даже отвѣдалъ. Тьфу! охти мнѣ! Прѣсная вода, которая мнѣ очень вредна и которой я, благодаря моей комплекціи, лѣтъ десятокъ не употребляю.

Троф. Да не то, осмотри-тка парня-то!

Чарк. Охъ, вселюбезнѣйшій, не могу. Глупая привычка отъ малыхъ ногтей и отцовская, на смертномъ одрѣ, заповѣдь—гмъ! прежде дѣла—испытъ малу толику.

Троф. Охъ, Савастьянъ Ахремичъ, да гдѣ взять-та? здѣсь не кабакъ, да къ тому-жъ и некогда. Огляди-тка парня-то, да и пойдемъ, куда желаетъ.

Чарк. Основательно, обдуманно. Но хотя кваску же, уста смочить (Трофимычъ приказываетъ). Со вечера до долуночи и такъ далѣе, у одного отдачика трудились, ей! до положенія ризъ. Едва-едва голову, едва на плечахъ... (Подаютъ ему пить; иветъ). Э! хорошо, да все не то.

Троф. Будетъ и то, будетъ и все: принимайсь-ка за дѣло-та.

Чарк. Сей же часъ... Хмъ, хмъ! (Никитъ вполголоса съ важностію). Какъ тебя зовутъ?

Никита (твердо). Никита Михайловъ.

Чарк. (головъ), Не глухъ, — статья первая (Никитъ). Сколько у тебя пальцевъ на рукахъ.

Ник. (Съ неудовольствіемъ). Сколько и у тебя: десять.

Чарк. Не глупъ. Статья вторая. (Никитъ). Когда прійдешь въ кабакъ и спросишь вина на десять алтынъ, и дашь гривенникъ, сколько сдачи надобно получить?

Ник. Въ кабакъ никогда не былъ, вина родясь не пилъ, а сдачу всегда умѣю разсчитать.

Чарк. Онъ дерзокъ, сирѣчь, храбръ. Статья третья и послѣдняя. (Никитъ). Встань! (Онъ всталъ). Во мнѣ во дни оны было четыре вершка, а онъ выше и меня. Голова! слушай резолюцію. Приказали: онаго вышеписаннаго рекрута вели вести въ пріемъ. Гмъ!

Троф. Бумаги не готовы.

Чарк. А я у васъ на что? Пойдемъ и мы, по обѣщанію найдемъ кое куда и напишемъ, гмъ! что знаемъ.

Троф. Ну, и то ладно. Ведите же его.

Чарк. Но, вселюбезнѣйшій, прикажи здѣсь цѣпи снять. Сія статья непозволительная.

Троф. Снимите же цѣпи и ведите, да въ большихъ сѣняхъ ожидайте насъ: дорогой глядите, чтобы не ушелъ.

Ник. (посмотрѣвъ на него). Не знаешь меня, такъ и думаешь объ мнѣ худо (вставъ). Господи, помоги! Прощай, голова! Вспомнишь меня при часѣ смертномъ. (Уходя). О матушка моя родная! Гдѣ ты теперь? (Уходитъ, за нимъ встъ крестьяне съ дубинами).

Чарк. Многорѣчивъ крѣпко, но смыслу въ словахъ не имѣется, точной нашъ частный приставъ. Что, рекрутъ этотъ доимочной, или за отличіе въ зачетъ?

Троф. Охъ, Савастьянъ Ахремичъ! съ нимъ надо умудрится-то. Пустились мы съ паномъ Шельменкомъ на промыслы...

Чарк. А гдѣ мой вселюбезнѣйшій Шельменко? Вотъ дружище! Ушъ мы съ нимъ одинаковы: попировать ли, дѣльцемъ ли поворотить, одинъ передъ другимъ. Да что онъ не является? Не пойти ли намъ къ нему? Я чувствую, что онъ избралъ мѣсто покомплектнѣе нашего, хотя то классомъ и выше его.

Троф. Запропастился онъ гдѣ-та. Сказалъ прошать тебя и самъ хотѣлъ здѣсь быть, да и нѣту-тѣ... А безъ него я не знаю, какъ и дѣло начать-то. Онъ самъ надумалъ, самъ будетъ и рѣшать.

Чарк. Коли самъ надумалъ, то не безъ ума и хитрости. О! голова! Истину говорю: губернская голова! не, для водятся уже. Ну, уповательно, въ семь дѣлъ перепадетъ и мнѣ что-либо, охъ! за грѣхи мои, Итакъ, хотя уже и семь часовъ, и хотя уже нашъ секретарь, уповаю, сидитъ на своемъ классномъ мѣстѣ и поглядываетъ гордымъ окомъ и нечистымъ сердцемъ, вся ли наша братія собралась, но по дождю Шельменка, что онъ мнѣ препоручить? Въ нынѣшнее треклятое нами время, таковыя комиссіи—сушій кладъ и ихъ упускать не должно.

Троф. А пока я тебѣ расскажу. Вишь ты: времена тяжки, нада и о предбудущемъ думать. Новой-та исправникъ, у! гроза! онъ-то зналъ за нами прежніе грѣшки-та такъ вотъ теперъ и добираетца-то: за все, про все, требуетъ отчета. Панъ Шельменко все ему списалъ; такъ въ судѣ сказали, што не гладко и што будетъ намъ бѣда-та; а штобы мы куда не скрылись, такъ намъ смѣны не будетъ до послѣдняго часу-та. Такъ вотъ мы, на всякой случай, запасаемся-то, извѣстно, што нужно, бывши подъ судомъ. Одинъ рекрутъ по нашей волости въ недоборѣ, такъ мы, съ очередными уладивъ, нашли-та сироту. Одинъ сынъ у матери, на што онъ пригоденъ? А мать, таво, вана дюже богата! Отъ мужа осталась ей сумма немалая! Вотъ двѣ сотни и я долженъ ей третій годъ. Такъ мы сына-то отдадимъ, а ее Шельменко принимаетъ вмѣсто матери родной съ избой, съ землей и всею движимостью. Куды старухъ съ ними хлопотать-та? Мой долгъ прощаетъ, да когда случитца взысканіе изъ насъ по должности, такъ изъ сего же благопріобрѣтеннаго и пополнимъ, да и передъ судомъ отвѣты дадимъ; такъ и намъ останетца, и добрымъ людямъ за труды удѣлить можно.

Чарк. (въ продолженіе разказа головы). Хорошо! обдуманно! (Потомъ). Но, вселюбезнѣйшій! времена и люди неблагоприятны! Охъ! Первокласныя въ губерніи особы въ такія мелочи входятъ, что я, повытчикъ, въ прежнее время гнушался, а предоставлялъ сіе писцу. Повѣришь ли, что предъ его превосходительствомъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ лежатъ очередныя и метрическія книги, и онъ самъ изволить производить справки, не вѣря даже и мнѣ! И теперъ нашъ братъ ходитъ только по канцеляріи, да съ сокрушеннымъ сердцемъ понюхиваетъ табачокъ, вспоминая прежнее златое время! Ох-ох-охъ! По симъ-то обстоятельствамъ, ежели, паче чаянія, его превосходительство усмотрѣтъ изволить, что у оной вдовы состоитъ вышеупомянутый единственный рожденный сынъ, тогда что? Гмъ! вотъ закуска!

Троф. Все придумано. Его зовутъ Никита Михайловъ, а есть по ревизіи Матвѣй Мѣняловъ съ четырьма сынами, да показнъ въ бѣгахъ. Вотъ тутъ-то Шельменко какую-та рихтму хочеть представить. Говорить, што онъ и губернатора улестить и наговорить туруса на колесахъ. Вѣстимо, онъ на то хахоль.

Чарк. Да, человекъкъ этотъ съ дарованьемъ! Вотъ же и легкокъ на поминъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Шельменко.

Шельменко. Ось і я тутечки здесечка! А! Здоров, здоров, благопріятелю любезнишій! (Обнимается съ Чаркодуевымъ три раза). Севастьяне Охримовичу! Чи ще живенькі здоровенькі хоч трохи? жіночка? діточки?

Чарк. Вашими молитвами всѣмъ благоденствуемъ. Ты, вселюбезнѣйшій, нѣчто запаль. Ни слуху, ни послушанія о тебѣ не имѣется черезъ продолжительное время. Да и теперъ, сколько времени въ городѣ, а старыхъ благопріятелей и не вспомнишь. Гдѣ теперъ былъ?

Шельм. Де бувъ? За походенькою ходив. Писаніе бо глаголетъ: захотілося гирі проти ночі кісничка. Так і я хотів, будучи сказати, де-шо, гуляючи, скомпонувати з земськими, тее-то, благопріятелями по предмету, сиріч, взысканія. Бігав-бігав. шукав-шукав, бодай вони виздихили! хоч би тобі, тее-то, дурного кого знайшов! Усі відкомандировалися, будучи, на ввод в имініе якогось-то, тее-то, багатого пана; так тут, звісно, не тільки що усі письці, та й сторожі, та й їх цуцики біжать за поїздом. А то було, будучи сказати, пильно треба їх, нада.

Чарк. Ага! видно, новой начальникъ васъ прижалъ, подобно какъ и у насъ послѣдовала реформа?

Шельм. Знаеш, голубчику, писаніе глаголетъ: що було, те бачили, а що буде, те побачимо. Видали ми, будучи сказати, видальців. Прижучив був він мене добре, та й я йому, тее-то, задав пинхви: нехай чха!

Чарк. А какъ это, вселюбезнѣйшій?

Шельм. Та, бачите, він на мене злий, вже, будучи, давно, ще як іхав на справники: а я йому, хто його пак знав, що він буде — де чого, стало бить, багацько розказував: а він, будучи, на мене опісля й напав мокрим рядном. Змінити не змінив, а, будучи, прочувши, що я таки собі замощенький — гм! та й став, тее-то, требувать одчотів, а я йому їх і представив. Та вже ж і накрутив! таки що-ли-сток, то, будучи, і хвальш; та так, тее-то, наплутав, що, як кажу, і сам, будучи, чорт шилом не підточе. Нехай, як-то будучи сказати, сиріч тее-то, розжуге.

Чарк. А вселюбезнѣйшій развѣ не знаетъ существующей формы? Отчеты офіціально въ переднія двери, а дополненія и—гмъ! поясненія—секретно, чрезъ корридоръ.

Троф. Не таковской. Уже была проба.

Шельм. (сметая) Ге, ге, ге! Завидуе дядюшки Трохимовича, будучи, борода та спина, як до його з подарунками ходитъ.

Чарк. Эхъ, вселюбезнѣйшіе мои! развѣ же онъ не женатъ? А всѣ жены, и наши, и высшихъ классовъ, суть дщери нашей праматери, первой въ мѣрѣ взявшей приносъ отъ лукавого искусителя.

Шельм. Врагова їх мати зна, що за народ такий! Усі, будучи, вовком дивляться. Теща б то його, тее-то, і добра жінка і, будучи сказати, вчена по сіей часті, так нема її голубочці, тее-то, волі. Та цур їм! Приймаймося лишень за діло. А що, дядюшко Трохимовичу, чи ви, будучи, благопріятелю Охримовичу усе розказали?

Чарк. Все знаю, вселюбезнѣйшій! Основаніе вашего дѣльца правосходно и замысловато; но что по справкѣ окажется, думалъ ли ты? удасться ли тебѣ?

Шельм. Та вже ж побачимо. Писаніе глаголетъ: і дурень кашу зварить, аби пшоно та сало; а тут, будучи, усього доволно є. Будучи сказати, і не такі діла робили. Чи впам'ятку вам, як, тее-то, наш сусіда, пан Гуляховський, та посредством, будучи, моїм, та попався із вольної губернії з барилом у корчемстві? Отже що я зробив?—як набіг засідатель, вже, будучи, смеркало, та по моєму совіту відложили, тее-то, освідетельствованіе, стало битъ, до завтра, та й прийняли, тее-то, будучи, каші варити, та тут таки біля арештованої кухви то в джута, то в дурні гра-ти, то про відьом розказувати; а там, будучи, по моєму наученію хлопці ззаду, тее-то, і вицідили крізь обручі всю кухву, відерок у двадцять. Ну, тее-то, будучи сказати, прочнувшись і, стало битъ, гарненько поснідавши, а нумо, хлопці, свідетельствовати! Тут же був і, будучи, повірений і сам пан Гуляховський. Відпечатили — гульк! аж гуде, мов у голові нашого повітчика! сміху, сміху! пан Гуляховський по моєму, будучи, совіту подав прошеніе на повіреного; а я таки з повіреного, будучи, злупив що треба, та й поми-рив їх; а сивуха, звісно, зосталась, тее-то, в мене. Та ще де чого, будучи, вам і більш би розказав, та ніколи.

Чарк. Такъ, вселюбезнѣйшій! Многое челоуѣку удасться, но на бездѣлицѣ споткнется. Начальникъ нашъ челоуѣкъ прозорливый и, на бѣду нашу, охотникъ рыться въ доку-ментахъ, чтобы вездѣ открывать разтреклятую нами истину.

Шельм. Еге! об тім-то я й сумую. Писаніе глаголетъ: шерть-верть, в черепочку смерть; і паки другее писаніе: шити, білити, — завтра великдень. Треба, будучи, ділом поспі-шити, а діло треба зробити, тее-то, будучи, скусенько. Будучи, у ревизії Матвій Мійяйлов показан біжавшим з си-нами, у числі коїх іміється, будучи сказати, і Микифор, коєму нині восполняється, тее-то, двадцять четвертий год... Та... тривайте лишень, цур — ні чичирк! писаніе бо глаго-летъ: хата—покришка; то, тее-то, того ради будьте ласкаві,

Охримовичу, там, що відмічено: біжал у таким-то годі, то, будучи, вискроматьте скусенько, та, тее-то, і ладанцем натріте. То вишепомянутий Микита Михайлов приймається, будучи, як би суть Микифор Міняйлов.

Чарк. (смотря на него съ удивленіемъ). Панъ Шель-менко! Да эта штука, вселюбезнѣйшій, не похоже, чтобы изъ головы волостного писаря вышла: отъ нея не отказался бы кто и повыше, гмъ! классомъ и мѣстомъ. Но, вселюбез-нѣйшій! ежели Никита скажетъ, что онъ Никита?

Шельм. Та там таке хлопця плохе, що, будучи, і пари з уст не пустить. Ми вже на його давно тее-то, наці-лили, та усе не знали, як збутъ; та от тепер, стало битъ, насили. (Оглядываясь). А де він?

Троф. Я приказаль вести въ пріємъ.

Шельм. Оце гаразд зробили. Нехай сердега не сумує, а там таки оглядяться, будучи, з товариством.

Чарк. Охти мнѣ, вселюбезнѣйшій! Съ горя не расказа-ль бы онъ кому!

Шельм. Та ні! Хлопця зовсім дурне! Та він таки, бу-дучи, й не зна, яким, се побутом, стало битъ, робиться. (Смѣется). Ге, ге, ге, ге! Та я йому, будучи, і бомагу чи-тав, ось у чому була, тее-то, кабака, та й кажу, що се предписаніе; а він, будучи, витріщив на мене банькі та й вірить і усе, тее-то, плаче; а я так кишки порвав зо сміху. От як би його, будучи, пань-матка, так та вже добра пащи-кувати. О! як сорока: та-та-та та. Та лиха матері зна, куди хлопця, будучи, запроторили. Схаменеться голубочка та ба!

Чарк. (все думавшій). А ежели его превосходительство соизволить обратитъ вниманіе на подчиску? Нехай бо не соизволить (оторопивъ, смотритъ на него). Не соизволить! Мене від ваших річей, будучи, циганський піт проняв. Та вже ж! коли й соизволить, то я тут йому, будучи, стану базікати то так, то сьак, то, стало битъ, і відбрешуся. Лиха матері до правди добереться!

Чарк. Основательно! И такъ, во исполненія желанія ва-шего, гдѣ слѣдуетъ, я подчищу, чему мнѣ не учиться. Слу-жа въ Магистратѣ, подчищаль такъ искусно на вексель-кахъ, что не одно дѣло отправлено въ архивъ; я въ реви-зиі такъ смастерю, что и стоглазый аргусъ не увидитъ, только что...

Троф. Што положите? Панъ Шельменко отвѣчаетъ.

Шельм. Та тут уже торгуваться, тее-то, нічого. Ска-зано, зробіть: ви нас знаєте; сьгодні й расплатка.

Чарк. Да оно такъ! гмъ! надобно, велюбезнѣйшій, хо-рошенькаго ножічка...

Шельм. (даєть ему денегъ). Нате ж, будучи, і на ножічок.

Чарк. (посмотрѣвъ, что онъ далъ, прячетъ). Аглицкаго

Шельм. (еще даетъ). Та нате ж, і на аглицькій.

Чарк. (посмотрѣвъ, такъ же). Необходимо двойной; паче чаянія, одинъ притупится.

Шельм. (даетъ еще). Та нате ж, нате ж, будучи, і на двойной, та будьте ласкаві, приймайтесь, тее-то, швидче.

Чарк. (кашляеть). Гмъ, гмъ, гмъ! Нѣчто погода сыро вата; а рано вышель.

Шельм. Та якого тут чорта узяти? ходімо лишень та будучи, по дорозі зайдемо у трактирь, що в рибнім ряду будучи, до Бутилочкина. Що за добріі там, сирічь, напитки

Чарк. Нѣтъ, вселюбезнѣйшій, это не мой обычай. Я не люблю дѣлать скорохватомъ. Время идти въ канцелярію, а въ подобныхъ назначенному совѣщанію я люблю, присѣвши, не вставать. Такъ вотъ что сотворимъ: я пойду и учиню все по желанію вашему, да и прибѣгу къ Бутилочкину и отрепортую о успѣхѣ. Тогда что и сколько угодно, по усердію вашему, поднести, я на все буду готовъ. Понеже секретарь будетъ видѣть меня утромъ въ трезвенномъ состояніи и будетъ доволенъ, а возвратясь съ экспедиціи, хотя и измѣняюсь, такъ онъ оставитъ безъ вниманія, ибо сіе со мною встрѣчается ежедневно. Того для я иду.

Шельм. Ходім же й ми, дяюшко Трохимовичу, прямо, будучи, у трактирь, та там ради скуки чого небудь поснідаємо. А то міні щось, тее-то, млосно.

Дѣйствіе второе.

Комната въ трактирь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бутилочкинъ и слуги.

Бутилочкинъ (приказывая по-одиночкѣ слугамъ). Съ этимъ счетомъ сходи къ Мотыгину, да требуй настоятельно, хоть бы что нибудь уплатилъ, скажи: товаръ пришелъ, нужно расплачиваться. Послѣ отца много денегъ осталось, неужели въ три мѣсяца всѣ спустилъ? Скажи, не будетъ кредиту, пока счета не очиститъ.

А ты лучше иди къ разлиwkъ шампанскаго; да забери у меня въ конторѣ старья пробки клико; купоръ и засмоливай аккуратнѣе, чтобы не замѣтно было.

Ты сходи въ трактирь къ Ферткину и купи портвейну бутылку; его хвалятъ лучше моего; я сейчасъ узнаю, чѣмъ онъ подправляетъ.

Уберите комнаты: утро; пока до выхода изъ присутствія, можетъ быть, кто нибудь и зайдетъ. (Уходитъ. Слуги расходятся, прибираютъ; одинъ остается).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Трофимычъ и Шельменко.

Шельменко. Ось бачите, як тут гарно. Я вже тут бував. **Трофимовичъ.** Да и я бываль, да только при прежнемъ хозяинѣ.

Шельм. (приказывая). А нуте, хлопці! Давайте мерщій водки та снідати. Подайте, будучи, оселедця, кавьяру, та присипте, тее-то, кришеною цибулею. А з напитковъ, буду-чи сказать, чого б-то? Кете-лишенъ сперву пива та меду, а як приїде Охримович, так, будучи, опісля скажемо, чого на потугу. (Приносятъ водку и закуску. Шельменко садится съ Трофимовичемъ и подчиваетъ его). Се солодка; цур їй! нехай її пани пьютъ; оце наша ганиськова лікарствена. (Пьютъ

водку). А нуте, дядюшко; та тяміть, що по першій, будучи, не закусують. Ось так; тепер кете-лишень ручкової. (*Пьють еще водку и завтракають*). Кушайте ж тепер, дядюшко Трохимовичу; ось оселедець. Гай, гай! Не тепер споминки: якби, будучи, ковбаса з часником! Хто-то її живий діжде! що то вже я її люблю! А що, дядюшко, якби, будучи, ковбасі та крила, то вже б луччої птиці і на світі б не було.

Троф. Самъ ты умной человекъ, знаешь-та; ты и писанія читаль побольшь маво. Словеса тои умныя! (*Продолжают завтракать*). Ну, панъ Шельменко! теперь у тебя расходъ! Кромѣ всего прочаго, што Ахремычъ будетъ стоить!

Шельм. Та й не журюсь. Чи ви знаєте, що писаніє глаголетъ: не посіявши, не пожнеш? Та ще за усю, будучи, працю відвічатиме Микитова худоба: та хоч би й не тее, то ще в Кіндрата, будучи, Шельменка стане стільки. (*Пьють*).

Троф. (*продолжая завтракать*). Да скажи ты мнѣ, панъ Шельменко; отчего ты богатѣй меня-та? Вотъ я и четыре срока головой, и все дѣло знаю порядкомъ, а все што-то не тае. Ты же третій годъ, што пришелъ къ намъ изъ Пирятина, а ужъ такъ нажился, что мѣры нѣту-тѣ.

Шельм. Воно, бачите, дядюшко Трохимовичу, будучи сказать, усюди такъ водиться, від губерського та й до волосного правління, що, стало битъ, у секретарі, або у писарі в ранзі секретаря, уся сила. Поки судящі собі радяться, з якого кінця, будучи, узятися, а наш братчик, не розбіраючи, тее-то, та все до себе і загарба, а їм, будучи, застаються самі вишкварки. Я ж іще, будучи сказать, і так роблю, що коли мало трапляється поживки, то так скомпаную, що б або, будучи, полаялись, або побились, аби йшли до нас позиваться. То поки ви собі, будучи, там роспитуєте, а я собі, тее-то обаче, і втяв та й мовчу. (*Пьетъ*).

Троф. А што панъ Шельменко, кабы тебя да въ судъ-та посадить? ты бы и тамъ не испортилъ бы.

Шельм. Еге, будучи, усіх би засідателів превзойшов би! Ех! любезний друже! будучи, тее-то, сказать, планета мене підцюкала! якби міні не тее-то, я б давно вже стільки нагарбав би, що, будучи, і в дворяне шморгнув би, як таки й багацько де хто, сиріч, з наших братчиків позаписувались. Потому что (*съ чванством и нарасптъвъ*), тее-то, государю мій любезний, треба вамъ знать, я таки, будучи, на дворянство трошки закандзюбився: але моєї рідної бабусі сестра у третіх та, будучи, була за швагером пана сотника Лубенського; от-що! Так, бачите, будучи сказать, я трохи не дворянин. От тоді б то міні світ, тее-то, відкрився! писаніє бо гласить: трудно стати паном, — усе піде даром (*пьетъ*). О горе міні! кушайте, Трохимовичу! (*наливаетъ ему и себѣ стаканы*).

Троф. Эхъ! да што ты сдѣлалъ-та? — Въ медъ да пива налилъ. Эка ты какой!

Шельм. Нічого, Трохимовичу, нічого! Се буде пивомедіє, преодмінне пітіє і для гортані дуже мудреє; смакуючи випьете. Що ж? писаніє глаголетъ: щоб не сидячого татари вхопили; чого ми будемо так сидіти, базікать нічого. Поки Охримович прибіжить, зграймо, дядюшко, у дамки.

Троф. Да я много тебѣ опять проиграю, какъ и давеча.

Шельм. Та ми не на гроші, а, будучи, так. А щоб не задрімати, то будемо, тее-то, навскубки. А гов, хлопці! а подайте, кете-лишень сюди дамки! Гов! Чи вам там позакладало, чи що? Дамки! (*Приносятъ доску съ шашками*). А в яку будемо? чи в просту, чи в, будучи, в аглицьку?

Троф. Въ простую, въ простую; всилу у тебя же выучился и въ эту. Ну ходи. (*Играютъ*). Скажи мнѣ на милость: ты, чай, не только при волости служилъ, а можетъ еще гдѣ и повыше-та?

Шельм. Бували ми, государь мой любезной, у бувальцях. Будучи сказать, був я і в земському, і трохи-трохи, у казначейство не вскочив. Во время оное був у суді секретарем Прокіп Микитович Грошолуп. От голова була! нехай йому легенько гикнется! Як вивчився я у нашого дяка і читати, й писати, то покійний отець, узявши мене із школи, віддав йому у науку. Будучи, я був у его пять год за хлопця, і там то світ побачив, а далі і в суд попав. Чого-то ми не робили! Гай, гай! Як, будучи сказать, відкомандируємо себе на слідствіє об пожежі, або, тее-то, о постижно вмершому, то, будучи, навеземо усякого продукту! ей!—вези, возами; будучи, курей, що усякої птиці, боршлике слово,—возами; будучи, сиріч, грошей, тії дурниці, нагарбаємо еліко можуху! Він-то сердега, будучи, видя мої даровання, зділав докладчиком, затим що я вже знаю, як, будучи, діло доложити: чи догори піднявши, чи униз спустить.

Троф. А што же это означаетъ: догори, али внизъ?

Шельм. От бачите, пане Трохимовичу: будучи, коли несеш діло у присутствіє, піднявши догори, то, тее-то, означа, що є тут, будучи, коло чого руки погріти; то вже судящі й облизуються, мов коти на сметану, і вже, будучи сказать, особое попеченіє о підсудимих, сиріч, гм! возпріймуть. Коли ж несеш, держаючи, униз, ось так то,—ще діла не читають, а зараз і затюкають: в острог підсудимих, в острог! Се вже така, будучи, усюди заведенція. А се, знаєте, що як, будучи, посилається діло на ревизію і, тее-то, секретарь, скріпляючи, підпише, та й загне карлючку, то і у повітовім і, будучи, в генеральному, та воно й у вас так, в уїздному, і у палаті,—секретарь, стало битъ, дивиться на тую карлючку, як, будучи, на маяк: коли, тее то, карлючка заведена униз,

стало бити, сиріч, усе, що можна, узято, більш нічого зідрати; то таке діло і швирнуть аж геть далеко на розсмотреніє, будучи, мишам, а далі і в архиву запакують. Коли ж карлючка догори, то се, будучи сказати, означа, сиріч: узято, та й вам зосталось. По такому ділу, будучи, зараз, шлють за прикосновенними свідителями... Таке діло і сам секретарь довгенько, будучи, читає і сидящі частенько, стало бити, прикосновенних к собі, сиріч, призивають, і прочее, прочее, як водиться... Еге! цур палічка! оце я й програв?

Троф. В'єстимо, проиграль. Давай-тка чубъ, давай!

Шельм. Деріть, Трохимовичу, що робить! Писаніє глаголетъ: з пісні слов не викидається: і паки друге писаніє: нанявсь—продавсь: нате, скубіть! *(Протягуєть ему голову, Трофимичъ черезъ столъ дереть его за волосы во всю руку, а Шельменко считаєть)*. Раз, два, ой-ой-ой! три. Буде ж, буде, пожалуста, годі! А, та здорово чуба намняли, аж слюзи течуть. Запиймо, або що. *(Плюєть)*. Нуте, зграймо ще. Що за врагова мати! хіба ж я не виграю!.. *(Играють)*.

Троф. Ужъ не сердись же, панъ Шельменко; на то игра; проиграю—дери мене. Расскажи-тка ты мнѣ, какъ ты съ такой головой, да не остался при судѣ-та.

Шельм. Ех, государь мой любезной! Будучи сказати, окаянный супостат мене підцюкнув, тее-то, підписуваться під усякії руки, а через тее, стало бити видавати ріжним людям пачпортики. І, як бачите, писаніє глаголетъ: не втаїть-ся шило у мішку, то як почали злапувати то воряжок, то бродяжок, то, будучи, й знайшли, що се мое, сиріч, рукоділіє. Ото я, злякавшись, щоб моєї окаяної глави, будучи, не забрили, сиріч під христолюбивое воїнство, взяв та й помандрував з пачпортиком, стало бити, своєї роботи, та й зайшов аж, будучи, сюди. Спасибі, у вас знайшов собі милостивого і отця, і, будучи, родителя. Не погубить мене і не занастить у прежнеє времяя. Та держітьесь та слухайтесь, будучи, мене, то, я ж кажу, викрутимось від біди, що справник нападається, та ще, тее-то, будете й сами з хлібцем, та й міні де що, сиріч, на онучі перепеде.

Троф. По мнѣ! Я ни-гугу, ты самъ знашь. Вотъ только и страшно капитанъ-исправника, што онъ, лукавой, ко всему прикапываетца.

Шельм. Сказано, що відбрешемось. Надіюсь на себе, що... Та що бо ви дамкою шмигаєте? *(Схвативъ его руку съ шапкою)*. Тривай-лишень; се на аглицька.

Троф. Ой, виновать! заслушался тебя, да и ошибся-та; не буду. Такъ што хотѣль говорить?

Шельм. Оте, бачите, що надіюсь на себе: то скоком, то боком, а таки вискочу. Дарованіє у мене, будучи, іміється. Як приймусь, то, не віддыхаючи, так і вчищу: спробувать

перо і чорнило, чи добре буде писати. А лепорти, то так, не лініючи, від руки так і черкаю. Читати? гражданское, коли не дрібне, то по верхам не спішачи можемо. Тільки що скорописі не втну; хіба те, ще, будучи, сам напишу; на речах я, будучи, бойкий; з простим мужиком, з дурнем я, тее-то, и говорить не вмю; іще таки з твоім, Трохимовичу, здоровьям і сюди й туди; а як, будучи, допадусь з начальниками, та, сиріч, з вищими господами, як уступлю у реч, так, будучи сказати, сам собі не надивуюся, відкіля у мене такі премудрії словеса беруться? А вже як попаду москаля, та, будучи, почну над ним глузувати!.. Стоїть сердега, ні пари з уст, тільки баньки повітріща, та й дивиться, мов баран, і не тямить нічого, що йому докладаю. Вже на докладки я лихий! А коли де треба, то, будучи, і по руському говоримо: „ню, штьо, разляпушка! штьо тебе нада-треба? Да де-ще тямемо; от якби й сю *(затвєраєть)*: Чім я тебе окур-чїла, ті скажі, моя, ех дорогая? або хоч і сю: Гївушка, гївушка зеленая мая, а що же ті, гївушка...? *(закашлялся)*. Ех, лихо його матері! щось гласу нема.

Троф. Да ты никакъ въ большихъ школахъ учился, што часто изъ писанія говоришь?

Шельм. Та се... *(Смѣется)* ге, ге, ге, ге! се я ману пускаю. *(Вздыхаетъ)*. Був у мене, будучи, приятель;—де-то, тее-то, будучи сказати, обрїтається? Дуже з великим розумом! Що воно таке і відкіля, я таки, тее-то, й не знаю. Чого-то, воно не знало! Будучи, було як заговорить, а далі як забелькоче, що й врагова його мати зна, що він каз-говорить, нічого й не второпаш, неначе, сиріч, по-молдаванському. А читати так там його нечистий умудрив! Будучи, як візьме гражданське, так так і глита, так і глита, мов ваш, нехай здоров буде, мурло галушки. Так він-то, будучи, чи сказати, узавши, учив мене на щотах та й кає-говорить, ти, Кіндрате, ось так роби, як і ми, вчені, робимо: що знаєш, чого не знаєш—про все бреши, буцім знаєш, та й здайся на писаніє та, й прибреши, яку хоч, нісенітницю, буцім-то писаніє глаголетъ: то, кає-говорить, тії дурні, що будуть тебе, будучи, слухати *(не до вас, Трохимовичу, мова)*, та й будуть думати, що ти, кає-говорить, з великим умом і буцім-то справді з писанія глаголеш. Ось як воно є! Ну, тее-то, обаче, та що се таке?

Троф. *(смѣется)*. А нут-ка, ходи, ходи!

Шельм. Йо! та що се за недобра мати? Се ви мене, будучи, приперли! Оттака ловись! Опять програв! що ж: скубіть, Трохимовичу, та не дуже, будьте ласкаві, не дуже.

Троф. Ну, панъ Шельменко, держи чубъ-та! *(Дереть его за волосы)*.

Шельм. А нуте: раз, ой! два—ой-ой! три (*Вырывается*), ой, ой, ой! і в школі так не мняли чуба. Цур йому! (*Швиряеть отъ себя шашечницу*). Не хочу вже гратъ. Нуте, або ж випиймо чого, або-що для ради скуки.

Троф. Будеть панъ Шельменко. Одно то, што некогда, да суммы твоей жаль.

Шельм. Поздоров Боже, будучи, покойника Микитового батька! назбирив не трохи; буде, тее-то, чим помьянуть і його, і неню, і Микиту, як убьютъ на війні. А тут ще не багачко пропили. (*Считаетъ бутылки*). Два золотих, оце двадцать девять, двадцать десять—тридцать іх; оце три копи, та оце сорок алтин, от і сім кіп. Та ще й пари карбованців не продули. Тее то, будучи сказать, а випьемъ, обаче, лишень реньского, сиріч, на потугу, поки Охримович прийде. Воно дуже гаразд буде.

Троф. Какъ хотишь; развѣ ужъ что по послѣдней.

Шельм. (*кричитъ*). А гов, хлопці! А подайте, кете реньского.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тъ же и Бутылочкинъ, приноситъ бутылку вина.

Шельм. А що то? Ренське? а кете лишень сюди.

Бутылочкинъ (*отдаетъ*). Преотмѣнное; только смотрите, не дорого ли покажется? два рубли бутылка.

Шельм. (*чванясь и стараясь говорить по русски*). Та штьо ті нас лякать став, чи што? подавай, брат, яйо сюди; атвічаю грашами. Та штьо ти пра нас думаеш-тя? ми і доньскее тягнулі-стя. Забув еси, як, будучи, у прошедшім наборі з паном совѣтником очередніи списки, тее-то, стало битъ, повіряли, так тоді я тобі не один десяток рублив заплатив?

Бутыл. Э! помню, помню. Кажись, ты... Канальинъ, что ли?

Шельм. Може—пан Шельменко. Забув еси, мось-пане?!

Бутыл. Такъ, такъ, Шельменко. Черезъ сколько времени такъ и не забыть! А помню только, что твоя фамилія ругательная.

Шельм. (*все сердится*). Вона, будучи сказать, не ругательна ні трохи, а так іде від отця. (*Чтобъ не слушать Бутылочкина, подпиваетъ виномъ Трофимыча*). Пожалуйте, Трохимовичу, се не вода. (*Пьетъ и самъ. Бутылочкину*). Ідіте ж тепер до свого діла, а нам не мішайте, а то щоб, будучи, я вам не приложив прикладки гірше вашої. (*Трофимычу тихо*). По писанію: від москаля поли вріж, та втікай.

Бутыл. Ну полно же, панъ Шельменко, не сердись. Я съ тобою пошутить. Хочешь ли, выпьемъ по стаканчику пуншу. Я ужъ васъ поподчую, только не сердись.

Шельм. Ну, коли так, то я вже, будучи, і не сержусь. Та міні, братіку, коли ласка, то нехай подадуть, тее-то, з кизляркою, я хранцюзької не пью.

Бутыл. Вотъ еще съ какими причудами. (*Уходитъ*).

Троф. Не много ли будетъ-та? Какъ явимся въ приємъ?

Шельм. Таки нічогоісенько: явимось та й явимось; для куражу треба, щоб не орябѣть.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ же и Чаркодуевъ.

Чаркодуевъ (*выпльывая въ дверь*). Вы здѣсь, вселюбезнѣйшіе?

Троф. Здѣсь, здѣсь, Ахремичъ. Просимъ милости!

Шельм. Просимо до бесіди! А що, як?

Чарк. (*посматривая на завтракъ, вздраиваетъ*). О! да и холодно же!

Шельм. (*потчиваетъ его*). Натѣ ж, пейте (*Подвигаетъ ему стулъ*). От вам дзиглик, сідайте, щоб нікто вам не мішав кушати.

Чарк. (*съ жадностію пьетъ, запивая часто водкою*). Вотъ это хорошо, кто до сего времени постить. Десятой часъ...

Троф. Такъ вотъ ушь намъ пора и въ приємъ.

Чарк. (*продолжая*). Нѣтъ еще можно (*пьетъ*), можно провести время, мало приве...дено рекрутъ, и губернаторъ прислалъ, что, когда въ одиннадцать часовъ не будетъ, то и безъ него принимать. Вотъ это для васъ очень хорошо.

Троф. А што же тогда хорошаго?

Чарк. Тогда совѣтникъ будетъ принимать. Что ни подай, подпишетъ; кого ни представъ, не разбирая, кричить: лобъ!

Шельм. Оце б то нам, будучи, на руку ковінька. Чи все ж зробили?

Чарк. (*отодвигая тарелки*). Всѣ, всѣ сдѣлано.

Шельм. А почистка, будучи?

Чарк. Всѣ чисто. Теперъ только остается...

Шельм. А нуте, нуте, що там зостається?

Чарк. Выпить.

Шельм. (*поднося вино*). Та одже, будучи, й випить. А діло?

Чарк. (*показавъ пустой стаканъ*). Видишь, какъ не было.

Шельм. А діло?

Чарк. За тѣмъ дѣло, что надо выпить.

Шельм. (еще наливаетъ). Та нате ж ще, пейте. Та кажіте, будучи, про діло; що ви там, чи все, тее-то, до сенцю зробили?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Бутылочкинъ, приноситъ два стакана.

Чарк. (выпивъ стаканъ вина, беретъ у Бутылочкина пуншъ). А что это? (Отвѣдавъ). Вотъ вещь! Это честно и обдуманно.

Бутыл. Что жъ? подать, видно, третій? А?

Шельм. Подайте. Бачите, треба-нада, будучи, гостя попоштувать. Се вже, тее-то, на мой щот.

Чарк. Да я и еще попрошу. Вашъ домъ, вселюбезнѣйшій, вѣдь о четырехъ углахъ.

Бутыл. Вотъ люблю пріятеля! придерживается старины: всё съ поговорками.

Чарк. Куда старина годится! Нынѣшній нашъ просвѣщенный вѣкъ всё усовершенствовалъ. Въ старину и сочинители писали: братья! рюмки наливайте. А нынѣшніе, образованные, все уже твердятъ и пишутъ о чашѣ, а о скучной рюмкѣ и помину нѣтъ. Теперь мы и пьемъ аккуратнѣе, и смѣется надъ стариною.

Шельм. Хіба ж у вас, у москалів! а у нас, будучи, добре було в старовину; чого ми затымлемо, а батьки, тее-то, розказують. Кажуть, що як було, будучи, зійдуться, то зараз і стануть пити: наперед по чарці, та зараз і по парці; а далі опьять, та не віддыхаючи, усім—по сім, та тут же і на закуску по одной. Ох! було таке добро, та давно.

Чарк. (вздохнувъ). Блаженное было время! Охъ горе мнѣ грѣшному!

Троф. А што я вамъ скажу. Когда пить, такъ пейте, а когда дѣла дѣлать, такъ пойдете. Ушъ время. Можемъ и послѣ притти.

Шельм. Оця річ до діла. Ходім мерщій. Нате ж вам, Омеляновичу. А скільки, будучи, вам?

Бутыл. Для пріятеля счетъ не великъ—шесть рублей.

Шельм. Оце зідрали! Неначе з панів. Нате ж вам. Та кажіте бо, будучи, Орхимовичу, що наше діло? щоб нам не сором було.

Чарк. Охъ, вселюбезнѣйшій! все кончилъ. Да такъ умудрилъ, что еще ни одна подчистка такъ гладко не было сдѣлана. Примѣта добрая.

Шельм. Так покорно ж вам благодарствуем, спасибі, дякуем.

Чарк. Неужели—только?

Шельм. Та як се можна? Приходьте, будучи, до нас обідати, та тут і расплатка.

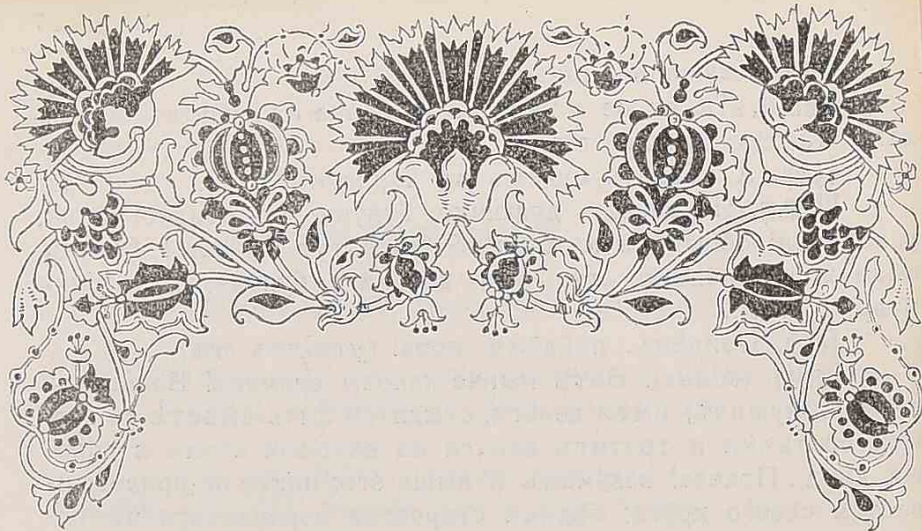
Троф. А обѣдать будемъ въ харчевнѣ?

Шельм. Як се вам, дядюшко, будучи, не стыдно, сиріч, у харчевні обідати з мужиками? Чого тут базікаты! Будучи, сюди ж і прийдемо, тут обід добрый і, будучи, напиточки мудрі. Ходім!

Троф. Пойдѣмъ. пойдѣмъ; пора! (уходятъ всѣ).

Бутыл. (одинъ). Вотъ нынче каковы времена! Волостной писарь, мужикъ, имѣя деньги, стыдится быть вмѣстѣ съ своими братьями и тратитъ деньги на вкусный столъ и дорогія вина. Правда! возьмемъ и выше его: никто не придерживается своего круга: бѣдный старается поравняться съ посредствомъ, посредствомъ—съ богатымъ, богатый—съ богатѣйшимъ, всё желаютъ быть выше и болѣе, нежели они есть. И говорятъ, что „мы де стремимся къ просвѣщенію“. Часъ вамъ добрый!

Дѣйствіе третье.

Секретарская рекрутскаго присутствія. По сторонамъ письменные столы; въ углу рекрутская мѣра.

Секретарь и писцы у столовъ пишутъ; въ углу отдатчики и изъ просителей крестьяне и крестьянки. У боковыхъ дверей входа въ присутствіе унтеръ-офицеръ. Солдаты иногда приходятъ въ секретарскую и говорятъ съ отдатчиками.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Секретарь (пишетъ и потомъ говоритъ къ писцамъ). Какія заготовлены квитанціи вчерашняго пріема, подайте членамъ къ подписанію (пишетъ). Отношенія къ исправникамъ о скорѣйшей высылкѣ недоставленныхъ рекрутъ гдѣ?—положите ко мнѣ (пишетъ). Чаркодуевъ опять вышелъ. Займитесь вмѣсто него повѣркою лѣтъ по ревизіи, только со всею точностію. (Все исполняется. Пишетъ и потомъ вставъ ходитъ по комнатѣ). Этотъ Чаркодуевъ вѣчно уходитъ отъ дѣла, а все жалуется, что служба тяжела и жалованья мало (смотритъ на часы). Одиннадцатый часъ; ежели будетъ губернаторъ, такъ уже скоро и придетъ. Пожалуста, поспѣшите съ журналомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Степанида.

Степанида (входитъ скоро, осматривается и смѣло подходитъ къ секретарю). Скажи мнѣ мой родимой, нѣшто ты губернаторъ-та?

Секр. Нѣтъ, старушка! А на что тебѣ губернаторъ?

Степ. Да ушь я въ десяти мѣстахъ искала его. Спасибо, одинъ доброй человекъ направилъ сюда-та. Скажи, голубчикъ, по правдѣ: когда ты—онъ, такъ я тебѣ въ ножки поклонюсь-та.

Секр. Не кланяйся, старушка, не кланяйся; да и самому губернатору не кланяйся: онъ сердится. Ты, вѣрно, съ просьбою? Вѣрно, хочешь просить о чемъ нибудь?

Степ. Такъ, кормилецъ, просить объ Микитушкѣ объ моёмъ.

Секр. Иди же сюда, старушка (подводитъ ее къ 1-му писцу). Расскажи свое дѣло, а тутъ напишутъ. Есть у тебя деньги на бумагу?

Степ. (достаетъ деньги). Есть, кормилецъ,—вотъ пятиалтинной-та.

Секр. Нѣтъ, этого мало; ну, да ужъ послѣ.

Степ. Да коли надо-тѣ, такъ я сбѣгаю къ санямъ.

Секр. Ненужно еще пока. Расскажи все дѣло и все, что знаешь. (Писцу). Пишите же, какъ приказано, точными ея словами; а послѣ, когда его превосходительство найдетъ просьбу правильною, тогда переписется по формѣ, на гербовой. Не упускайте только изъ словъ ея ничего. (Идетъ къ своему столу). Прекрасное средство узнать истину и избавлять бѣдныхъ отъ излишнихъ расходовъ. (Садится и пишетъ).

1-й писецъ (очинивъ перо и изготавляясь писать). Ну, старушка, говори, что писать.

Степ. Пиши такъ (печальнымъ голосомъ и нарастивъ): „Одинъ у меня сыночекъ... Одна у меня радость... Голубчикъ мой Микитушка“!.. А ну, какъ ты написалъ?

Пис. (читаетъ скоро и своимъ голосомъ). „Одинъ у меня сыночекъ, одна у меня радость“.

Степ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ тобой! развѣ я такъ тебѣ говорила? я говорила вотъ какъ (опять тѣмъ же голосомъ): „Одинъ у меня сыночекъ... Одна у меня радость... Голуб“...

Пис. Да слушай же, я такъ и написалъ. (Читаетъ): „Одинъ у меня сыночекъ, одна у меня радость“...

Степ. Нѣтъ, голубчикъ мой, совсѣмъ не такъ. Губернаторъ еще подумаетъ, што я на него сержусь-та; а ты вишь, я пишу съ горячими слезами, такъ ты такъ и пиши. „Одинъ у меня сыночекъ“...

Пис. Ахъ, какая ты глупая! Я такъ и писалъ. Или говори, или прочь поди; мнѣ некогда съ тобой толковаться.

Степ. Ахти, моя бѣда! Онъ не умѣетъ-та. Охъ, головушка моя!

Секр. (слушавшій все, подходитъ). Не тужи, старушка! вотъ этотъ умѣетъ, ему и расскажи. (Подводитъ къ 2-му писцу).

писцу). Принаравливайтесь къ ея печальному голосу. Надобно къ бѣднымъ просителямъ снисходить.

2-й писецъ. Ну, старушка, говори: можетъ быть, я сумѣю.

Степ. А ну-тка, ну, попробуй, умѣешь ли? Пиши-тка вотъ такъ (печально): „Одинъ у меня сыночекъ... Одна у меня радость... Голубчикъ мой Микитушка“... А ну-тка, прочитай.

Пис. (повторяетъ все ея печальнымъ голосомъ).

Степ. Вотъ такъ, точнѣхонько; вотъ таки слово въ слово. (Цѣлуетъ его въ лобъ). Ну пиши еще. „и того хотятъ отдать въ некруты. За што такая бѣда? Четыредушные не всѣ поставили, а у меня одного взяли. Это всё голова да писарь, хохлацкой чупъ, што насъ обдираетъ. Спрошай ихъ, спрошай; да штобы они тебѣ всю правду сказали“. А ну-тка, прочитай, такъ ли ты написалъ? (Писецъ читаетъ все, что она говорила, ея печальнымъ тономъ; а она въ удовольствіи повторяетъ). Такъ, такъ, такъ-таки. Вотъ только при концѣ припиши еще по-грознѣй, вотъ такъ (бьетъ кулакомъ себя по руцѣ): „Спрошай ихъ, спрошай“... (Продолжаетъ тихо).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Порошковскій.

Порошковскій (подошелъ къ секретарю). Губернатора нѣтъ еще?

Секр. Можетъ, и не будетъ; въ такомъ случаѣ приказалъ безъ себя принимать.

Порошк. Такъ надобно здѣсь подождать.

Секр. Развѣ вы уже будете при приѣмѣ, а не инспекторъ?

Порошк. Мы всякой день кидаемъ жеребій, кому отряжаться для приѣма рекрутъ. Сегодня вышло мнѣ и уѣздному медику.

Секр. Такъ у васъ и въ управѣ жеребій, какъ и здѣсь при свидѣтельствovanіи? Это очень хорошо. Но вамъ, кажется, рѣдко выходилъ жребій; я сегодня впервые только васъ вижу.

Порошк. Это правда: я сегодня въ первый разъ. Много ли на сей день поступило?

Секр. Только семнадцать.

Порошк. Что же такъ мало? Видно, не высылаютъ изъ уѣздовъ?

Секр. Напротивъ, высылаютъ очень исправно. Въ недоборѣ уже немного; но понужденія все-таки посылаемъ.

Порошк. Къ новому году, стало, кончите?

Секр. Нѣтъ, надѣюсь, къ празднику еще кончимъ. (Продолжаетъ писать. Порошковскій отошелъ, смотритъ на часы разговариваетъ съ другими тихо и проч.).

Степ. (все у стола съ писцомъ). Ну вотъ, тапера такъ. Ужъ куды я, голубчикъ, тебѣ благодарна, што ты вотъ слово въ слово написалъ; да такъ та жалобно, што инда и губернаторъ заплачетъ, вотъ какъ и я. Подай же ему, кор-милецъ, бумагу-та, какъ прійдетъ, и скажи, што отъ меня, отъ Степаниды Гавриловны; а я пойду, провѣдаю Микитушку-та.

Пис. Нѣтъ, мнѣ нельзя подавать: ты сама должна.

Степ. Охти мнѣ! Да я нѣшто боюсь: какъ онъ на меня grimнетъ-та, такъ я испугаюсь.

Пис. Не бось, старушка; онъ ни на кого не grimаетъ, а еще разспросить у тебя обо всемъ ласково и милостиво; и когда правду написала, такъ тотчасъ сына твоего отпустить. Онъ на то губернаторъ, чтобы не давать никого въ обиду.

Степ. Поддержи его Господь на свѣтѣ для насъ беззащитныхъ! Скажи же мнѣ, мой кормилецъ, вотъ я тебя спрошаю: што онъ, въ золотѣ ходитъ, али въ серебрѣ?

Пис. Нѣтъ, старушка, онъ одѣтъ просто, вотъ какъ и всѣ господа.

Степ. Ой, ой, ой! Да онъ же старшой надъ всѣми! такъ какъ же онъ наравнѣ съ другими ходитъ? боюсь же, што я его, не распознавши, да и пропушу.

Пис. Небось, не пропустишь. У него здѣзда вотъ тутъ, на груди.

Степ. Ну, такъ вотъ, вишь же, есть замѣтка, а безъ неѣ гдѣ бы мнѣ узнать ево?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Трофимичъ, Шельменко съ бумагою а за ними прокра-
дывается къ столу Чаркодуевъ.

Шельменко (Трофимичу тихо). Шось у мене, дядюшко, будучи, жижки трусятъся.

Троф. (также). Небось! али тебѣ впервое-та?

Шельм. Та воно то, будучи, і не первина, та так шось... (Подходитъ съ робостью къ секретарю и подаетъ бумагу). Осмѣливаемся вашему благородію нижайше...

Секр. (не беретъ). Что это такое?

Шель. Прошеніе совокупно, будучи, з представленіемъ рекрута від нашої волости...

Секр. Что жъ такъ поздно? Въ сегодняшній приѣмъ не успѣютъ: надобно сдѣлать справку съ ревизскими и очередными.

Шельм. Та вже, тев-то, усе е тутечка; тільки, будучи прикажіте освідѣтельствовать та забрить, по предмету, сиріч, щоб не проживатись.

Секр. Неужели не знаешь порядка? подай въ присутствіе совѣтнику.

Шельм. *(покашливая, прихорашивается и идетъ въ присутствіе; унтеръ офицеръ отворяетъ ему дверь).*

Секр. А тотчасъ съ крючководствомъ: чтобъ не проживатся! *(Увидя сидящаго у стола Чаркодуева).* А вы, Чаркодуевъ, все бѣгате отъ должности? все возитесь, съ отдатчиками? послѣдній разъ вамъ говорю, ежели не исправитесь, представлю начальству!

Чарк. *(въ сторону).* Вѣчные нападки! Всегдашнее гоненіе *(вздыхаетъ).*

Шельм. *(выходитъ изъ присутствія).*

Троф. *(ему тихо).* Ну што?

Шельм. Подавъ та й просив, щобъ заразъ приняли, такъ кае-говорить—як секретарь скаже.

Троф. Такъ такой-та судья, што секретаря спрашиваетъ? Не хуже, какъ и нашъ засѣдатель. Ну проси же секретаря.

Шельм. Та, бачите, що все, будучи, сердиться.

Шельм. Поднеси ему што.

Шельм. Цур йому! Дивись, яким паномъ дивиться. *(Увидя Степаниду).* А ти, врагова бабо, чого, будучи, сюди забралась? Відкіля ти взялась? Ходи сюди.

Степ. Нѣтъ, Терентьичъ, и вы, голова Трофимычъ, не пойду я къ вамъ. Здѣсь вамъ не волость; тамъ вы насъ давите да обижаєте, а здѣсь и постарше есть. Вотъ што.

Шельм. Такъ яка тутъ ябеда? Чого ти сюди, сиріч, примандровала? Чи тутъ тобі діло? Геть, будучи, відсіля, я тобі кажу.

Степ. Нѣтъ-та, ужъ не геть и не вѣдсіля, не боюсь васъ.

Троф. Ты еще и ослушаешься? *(Беретъ ее за руку).*

Шельм. *(схвативъ за другую).* Я тебе відсіля в потилицю.

Степ. *(погромче).* Помилуйте, батюшки!

Секр. *(подходя къ нимъ).* Что за шумъ подняли? Не троньте ее! Какъ вы смѣли здѣсь своевольничать?

Троф. Да она зачѣмъ здѣсь? она бѣглая...

Шельм. Вона, будучи, сказать, мандрьоха! Ми вже її давно шукаемо.

Секр. *(Степанидѣ).* Зачѣмъ ты здѣсь?

Степ. *(съ поклонами).* Защити меня, батюшка, кормилецъ мой! Защити меня бѣдную вдову! Я вотъ-та къ губернатору съ бамагой.

Секр. Не смѣй никто ее тронуть и шумѣть здѣсь! Когда вамъ нѣтъ другого дѣла, такъ ступайте вонъ!

Шельм. Такъ я, будучи, отдатчик...

Секр. Такъ стой же тихо съ просителями вмѣстѣ и ожидай, когда тебя спросятъ. А ты, старушка, стань также здѣсь и не бойся никого.

Шельм. *(тихо Трофимичу).* оттакъ ускоч, якъ ми! Та якого ви, дядюшко, чорта, будучи, дримали, та не віддали її під калавур.

Троф. Кто же её зналъ! гляди: у ней и челобитная въ рукахъ; никакъ, хочеть жалѣтца та.

Шельм. Та нехай і жалеться. Вібрешемось. Або—трівайте лишень—я її, будучи, обдурю. Стехо! пань-матко, а ходи-ке сюди! Йосиповно, чи якъ тебе? На часинку! Тітко!

Степ. *(не сходя съ мѣста и не смотря).* Ну што?

Шельм. *(все тихо пререговаривается).* Який тобі дурень написав прошеніе? Може тамъ будучи, не знать що надряпано? Ке-лишень: я, тее то, прочитаю. Гм! ке-бо!

Троф. Да посовѣтуемся, какъ бы лучше къ дѣлу-та.

Степ. *(такъ же не смотря).* Не нужно.

Шельм. Та тильки покажи; я й віддамъ тобі, будучи, опять. Ненече й міні, тее-то, не жаль твоего Микити? Аджэ й я за нимъ, сиріч, розпадаюсь.

Степ. Говори!

Шкльм. *(въ досаду чешетъ голову).* А бодай бісову бабу орда узяла! Коли б вона намъ, будучи, якого бешкету не зробила! Напечемо раків!... не знаю!...

Солдатъ *(отворяя среднія двери).* Губернаторъ идетъ. *(Секретарь и все писцы встають).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Губернаторъ.

Просители *(бросились съ просьбами).*

Губерн. *(не принимая)* Погодите, друзья мои! Мнѣ нельзя вдругъ всё прочесть. Подавайте по-одиночкѣ. *(Взявъ у одного и прочтя).* Хорошо. Просьба твоя правильна. *(Секретарю).* Прикажете ему написать по формѣ прошеніе и, когда онъ бѣденъ, употребите бумагу на мой счетъ. *(Взявъ у женщины просьбу).* А эта уже и готова. *(Прочтя).* Напрасно ты убытчилась на гербовую бумагу! я приказываю подавать мнѣ прежде записки, и когда дѣло справедливо, тогда уже прошеніе. Нельзя уважить твоей просьбы: три года, сама пишешь, какъ сынъ твой принять, а ты теперь просишь перемѣнить его меньшимъ. И кто тебѣ это сочинялъ? *(Посмотрѣвъ на бумагу).* А, извѣстный ябедникъ! *(Секретарю).* Передайте ее въ мою канцелярію для присоединенія къ прочимъ его ябедамъ; я отдаю сочинителя подъ судъ за ябедничество. *(Взявъ у Степаниды бумагу и прочитавъ).* Какъ? что? *(Перечитавъ).* Гдѣ отдатчикъ?

Шельм. (боязливо выступаю). Ось ми. Гм!

Губерн. Подойдите сюда. Гдѣ же другой? Съ кѣмъ ты?

Шельм. (поклоняясь). Так ми, будучи, тільки я один, ваше превосходительство.

Губерн. А! хахоль? какъ сюда зашелъ?

Троф. (подошедъ, кланяется). Онъ нашъ волостной писарь, ваше превосходительство.

Губерн. Откуда и какъ сюда зашелъ?

Шельм. (въ страхѣ). Е-е-е, будучи, з Пирятина, ваше превосходительство... по пачпорту, тее-то, на заробітки.

Губерн. Какъ тебя зовуть?

Шельм. Будучи, Кіндрат Шельменко.

Губерн. (смотритъ ему въ глаза). По глазамъ, такъ ты цѣлая шельма. Долженъ быть большой плутъ. (Читаетъ бумагу Степаниды).

Шельм. (протирая глаза, въ сторону). Чортови очі! так змінили.

Губерн. (ему). Какъ же ты это отдаешь одного, вмѣсто другого? (Степанидѣ). Да правду ли ты написала, старушка?

Степ. Правда, святая правда, мой кормилецъ, ваше благо... перево... Ну, наше бабье дѣло, не выговорю, какъ тебя возвеличать-та. А коли не правда, такъ шобы я сама передъ твоею милостію прахомъ пала!

Шельм. То вона, будучи сказать, ваше превосходительство, вона бреше. Вона у нас на все село. Вона, тее-то, і на зводи, і на переводы, і на пащикунанья. Вона й язичок підняти, і соняшниці заварити, ось така-то вона. Вона, будучи, без сороба казка: вона—відьма.

Степ. Нѣтъ, Терентьичъ; никто на меня...

Губерн. Перестаньте вздорить, отвѣчайте, о чемъ буду спрашивать, (Степанидѣ). Какъ звали твоего мужа?

Степ. Матвѣй Михайловъ.

Губерн. Такъ ли онъ пишется, голова?

Троф. (труся). Я темень на письмо, ваше происхождение!

Губерн. Писарь гдѣ?

Шельм. (вяло выступаю, кланяется). А чого зволите, ваше превосходительство?

Губерн. Развѣ ты глухъ? Я спрашиваю, какъ она пишется по ревизіи?

Шельм. (вяло). Вона, тее-то, будучи, ваше превосходительство, будучи сказать, по простонареченію, стало бить, мечтае, тее-то, по незнанію, будучи, письменного порядка, сиріч, не знае, повелику вовся, будучи, тее-то не грамотна...

Губерн. Что ты мнѣ путаешь? говори прямо, какъ она пишется?

Шельм. Вона, будучи, ваше превосходительство? Чи, тее-то, муж оной жони, будучи?..

Губерн. Да не—будучи, а отвѣчай, чего я спрашиваю.

Шельм. (кланяясь). А чого зволите, ваше превосходительство? Я... щось, будучи, орябів: зроду вперше сподобився стати, тее то, перед великим паном, та з переляку, собі на біду, і не второпаю нічого.

Губерн. Говорю тебѣ послѣдній разъ: какъ пишется мужъ ея?

Шельм. Мужъ? гм! вона каже, Матвѣй Михайловъ, так вона, будучи, бреше. Він пишеться Матвѣй Міняйлов.

Степ. Ой, не гнѣви, Терентьевичъ, Бога! не ломай души!

Шельм. (ободряясь). Але! то по вулишному, а то по писанію. Адже ти не письменна, то й мовчи, й не споръ з ученими.

Губерн. Да гдѣ ревизскія сказки? Гдѣ списокъ отдатчика?

Шельм. О-то-то-то! Оце, будучи, лучше усього, як по ревизіи освідительствовать! Бо й писаніе глаголетъ, осмилваюся, ваше превосходительство, нижайше донести: письмо очі коле.

Губерн. Такъ, точно такъ. Да ты, видно, грамотей?

Шельм. По-троху де-чого, сиріч, вчилися, та дондеже де-що і знаємо. (Ревизію и списокъ приносятъ).

Губерн. Ну вотъ ревизія. Что?

Секр. (свѣряетъ ревизію противъ списка, поданнаго Шельменкомъ). Вот онъ, Матвѣй Мѣняйловъ.

Шельм. А що? Ось бачите? А чия, будучи, правда? (Въ сторону). Оттак їх обдури! даром що москалі! (Тихо смѣется).

Губерн. (Разматривая). Четыре сына...

Степ. Одинъ, мой кормилицъ, одинъ; одноутробной, какъ мѣсяць на небѣ...

Губерн. Такъ это не ея семейство. Тебя какъ зовуть?

Степ. Што жъ, мой кормилецъ, Степанида Гавриловна. Такъ отъ родителя названа.

Губерн. А здѣсь Ирина, такъ это не она.

Степ. Не я, мой милостивой, не я. Я тебѣ говорю: я Михайлова, такъ и свекоръ звался, и дѣдушка нашъ, вѣчной имъ упокой!

Губерн. Гдѣ представленный рекрутъ? Приведите сюда! Какъ онъ показанъ въ списокъ отдатчика?

Секр. (читаетъ). Никифоръ Матвѣевъ сынъ Мѣняйловъ, 24 года. Такъ точно и по ревизіи.

Шельм. Еге! А що? Бач!

Степ. Нѣтъ, мой—Микитушка.

Шельм. Та воно, будучи, усе рівно.

Губен. Какъ равно? Никита и Никифоръ? Это почему?

Шельм. Осмілюваюсь нижайше, будучи, доложить, що пишется Георгій, а усе рівно, будучи, Егор, або ще й Юрко, усе на одно имья; так і, тее-то, Никихвор, а по-московскому, Микитушка.

Губерн. Мастеръ толковать! но я, кажется, скоро тебѣ все растолкую. (*Пришедшему Никитѣ*). Какъ тебя зовуть?

Ник. (*въ большомъ страхѣ*). Я? Меня? Какъ, матушка?

Губерн. (*взявъ его за руку*). Чего жъ ты боишься? Славной малой, и труситъ. Не бойся меня и скажи.

Ник. Правду прикажите говорить?

Губерн. Говори правду, правду. Предо мной должно правду говорить.

Ник. Никита Матвѣевъ сынъ Михайловъ.

Шельм. (*въ сторону, схвативъ себя за голову*). От і втяв!.. А, бодай тебе!

Губерн. Сколько у тебя братьевъ?

Ник. Одинъ я только былъ у родителей моихъ.

Губерн. Грамотенъ?

Ник. Церковное читаю.

Губерн. Сыщите его сказку. Ежели они правду говорятъ, такъ очередь Михайловыхъ должна быть особо (*Трофимичу*). Гдѣ прочіе Мѣняйловы изъ этой очереди?

Троф. Про то, ваше превосходительство, писарь знаетъ.

Губерн. Ахъ, да в я плуты! Писарь!

Шельм. Чого зволите, ваше превосходительство?

Губерн. Долго ли тебѣ меня беспокоить? Гдѣ прочіе Мѣняйловы?

Шельм. (*все болѣе труситъ*) Усі здесечка-озьдечка: больш нема.

Степ. Да и гдѣ ихъ взять? Они въ бѣгахъ.

Губерн. Какъ, въ бѣгахъ? Давно ли?

Степ. Сказала бы я тебѣ, мой кормилецъ, да не знаю. Нѣшто первый годъ, какъ я замужъ вышла.

Губерн. Почему же въ ревизіи не отмѣчено? Голова!

Троф. (*труся*). Про то писарь знаетъ; я человекъ темной.

Шельм. Отак! на писаря! неначе я ревизію писав?

Секр. Вотъ сказка Михайлова: одинъ сынъ Никита, мать Степанида.

Степ. Онъ, онъ, мой батюшка!

Секр. А вотъ, ваше превосходительство, у Мѣняйлскихъ подчистка, что онъ былъ въ бѣгахъ.

Губерн. Такъ точно; и весьма неискусно вычищено: даже годъ замѣтенъ.

Шельм. (*въ сторону*). Пропав я на віки! удружив Охримович!

Секр. (*вслушавшись*). Какъ? Ефремичъ? такъ это Чаркодуева работа?

Чарк. (*нѣжный, едва стоитъ*). Какъ ррыба, без—безгласенъ!

Губерн. Отведите его на гауптвахту. (*Чаркодуева солдаты уводятъ*). Писарь! это твои плутни?

Шельм. Щобъ я, тее то? та що ви каете-говорите?

Губерн. Довольно! старуха, возьми своего сына и ступай домой. Не бось, его уже болѣе отъ тебя никогда не возьмутъ. Жени его и живите благополучно!

Степ. и Ник. (*бросаются къ ногамъ его*). Ахъ, мой кормилецъ! благодѣтель нашъ!

Губерн. Полно, полно, встаньте! Это не милость, а должное. Скажите всѣмъ: ежели кто будетъ обижаемъ начальствомъ своимъ, чтобы прямо шли ко мнѣ. Отъ меня получать защиту. Я на то губернаторъ.

Шельм. (*цешетъ голову и кланяется*). Благодаримо й ми, ваше превосходительство, що, будучи, бідную удову пожалували. Ми тепер поїдемо.

Губерн. О, нѣтъ погодите! Голова, есть у тебя сынъ?

Троф. Согрѣшилъ предъ Богомъ!—пять дѣвокъ а не одного сына.

Губерн. (*секретарю*). Посмотрите, такъ ли? этимъ плутамъ вѣрить нельзя.

Секр. Такъ точно; пять дочерей.

Губерн. Жаль: я бы тебя проучилъ. Снимите съ него показаніе, что его понудило сдѣлать такое мошенничество, потомъ отдайте его на гауптвахту; я его суду предамъ.

Шельм. А я поїду, та рекрута славного представлю.

Губерн. Не нужно! ты у меня рекрутъ. Возьмите его (*Солдаты схватываютъ Шельменка*).

Шельм. Помилуйте, ваше превосходительство! Ой, помилуйте! за що така напасть?

Губерн. За твои плутни и теперешнее мошенничество.

Шельм. (*вырвавшись отъ солдатъ, кланяется въ ноги и лежитъ*). Помилуйте! ей, велике слово, не буду! до суду, до віку, не буду плутувати! буду добро робити! Помилуйте! (*Ставъ на колѣна*). Не буду, землі ззім, що не буду, і дітям і унучатам закажу! помилуйте!

Губерн. А ты женатъ?

Шельм. (*все на колѣнахъ*). Та й доси ні. І доси, на лихо собі, все парубкую. Ось коли ласка ваша, та відпустите мене, то я собі гарненько б оженився, та якби дав Бог діточок, то тоді візьмуть хоч двоих хлопців. Нехай служать Богу й государю; я не жалкую. Тільки пустіте мене.

Губерн. Нѣтъ, нѣтъ, возьмите его! *(Солдаты схватываютъ Шельменка)*. Господинъ Порошковскій, извольте первоначально его разспросить, и повѣритъ, чтобъ попустому не трудиться.

Шельм. *(все вырываясь)* Та помилуйте, та зділайте милость, добродію! паночку голубчику! та будьте ласкаві! Та я, собі на лихо, глухий: не чую нічого і муштри не почую. *(Кричить)*. Га! що ви говорите?

Губерн. *(тихо)* Такъ отпустите же его!

Шельм. *(вырвавшись)*. Покорно спасибі, дякую. *(Хочеть бѣжати)*.

Губерн. Нѣтъ, нѣтъ держите его. Видишь, какъ онъ глухъ! Нѣтъ ли еще чего?

Порошк. У него вѣрно сотня болѣзней откроется. Не болитъ ли у тебя что?

Шельм. *(стонетъ)*. Ох! де то вже не болитъ! Та у мене усе, будучи, болитъ; я собі такий немощный: і тут, і тутечки, і голова, і усюди болитъ Та таки у мене трохи не халера.

Порошк. О бѣдной! И вѣрно, ѣсть и спать хочется?

Шельм. Та таки частісенько. Ох! усе б я їв, та часом і спати... *(Принужденно зъвлетъ)*. Усе їсти та спати хочеться. Який з мене салдат! Ох!

Порошк. Вѣрно, и кашель есть?

Шельм. Де то вже нема? Ось бач, який здоровнй! *(Силится кашлять)*. У мене, знаєте, нехай Бог боронить, чухотка. Міні, будучи, дано, так і знахурка казала. Як було, тее-то, у Гапонихи весілля, а вона зо мною колись, будучи, позивалась, ну та й дає міні чарку горілки... а там, батечку! усе плавають мов шпильки да голки; а я собі здуру не розглядів, та від того часу й кашляю; та все сохну собі. Ох! *(Кашляеть)*

Порошк. Хорошо, хорошо. Всѣ ли зубы?

Шельм. Та коли б тобі хоч один. Таки нема ні однісенького. *(Кладетъ въ ротъ проворно серебряный рубль)*.

Порошк. *(инструментомъ вынимаетъ деньги и показываетъ)*. Зубы также нездоровы, не могли раскусить рубля. *(Бросаетъ деньги)*.

Шельм. Вже ж коли так, то усю правду вам скажу. Нічого гріха таїть. Писаніє глаголетъ; не втаїться шило в мішку. Слушайте ж, панове! Одним оком зовсім не бачу, а на другім куряча сліпота. Так міні починено.

Порошк. А котрымъ глазомъ вовсе не видишь?

Шельм. *(указываетъ на правый глазъ)*: Оцим; хоч би воно тобі і вилізло, то міні дарма.

Порошк. А вотъ посмстримъ. *(Закрываетъ ему рукою лѣвый глазъ, а передъ правымъ домо миаеть пальцемъ)*.

Шельм. *(домо смотрѣвъ, потомъ съ бодростью)*: Еге! Та скільки хоч кивай, а я тобі кажу, що нічого сенько не бачу.

Губерн. Бѣдной слѣпой! теперь для пробы узнать мѣру.

Шельм. Та яка у мене міра? Бачите, який я собі опецьковатий.

Губерн. *(солдатамъ)*. Ведите въ станокъ и попробуйте.

Шельм. *(тащатъ насильно; онъ все кричитъ)* Ой личко! пропавъ я на світі *(Становлять въ станокъ, онъ упрямится; солдаты его толкають — — — —, онъ кричитъ, а солдаты смѣются)*.

Шельм. *(вытянутый въ станокъ)*. Та чого бо ви регочетесь? зовсім біда, чоловік пропада. Та не регочітесь бо!

Губерн. Ну что? Какъ мѣра?

Унтеръ офицеръ. *(Кричитъ)*. Пять, семь осьмыхъ.

Губерн. Хорошо, выйdetъ. Теперь, не подъ судомъ ли онъ? Какъ бы справиться?

Шельм. А трохи чи не під судом... Йй Богу, під судом; та ше трохи чине за душогубство. Предпишіте, ваше превосходительство, учинити справку по Полтавській губернії, а мене б до того часу, будучи, або на поруки нашому голові, або-що.

Секр. Это тотъ плуть, о котормъ исправникъ представилъ вашему превосходительству и прочихъ злоупотребленіяхъ.

Губерн. А, такъ это онъ? ты не ушелъ отъ заслуженнаго! Напишите исправнику, чтобы немедленно арестовано было все его имущество для удовлетворенія обиженныхъ; составьте также опредѣленіє съ прописаніємъ причинъ, почему я взялъ его въ солдаты, и сообщите, куда слѣдуетъ. Ведите же его теперь въ присутствіє.

Шельм. *(горько плачетъ)*. Тепер, бачу вже, не переливки. Який мене нечистий поніс між москалі? Із своїми таки не зразу пропав би. *(Бросается на колѣна)*. Помилуйте! ще таки помилуйте!

Губерн. Полно! нѣтъ пощады! Пойдемъ въ присутствіє. *(Уходитъ въ боковую комнату; Порошковскій и секретарь идутъ за нимъ; солдаты тащатъ туда же на колѣняхъ стоящаго Шельменка, который кричитъ: Ой ратуйте! кто в Бога вірує, ратуйте! Гвалт! Калавур! Уводятъ его)*.

Степ. *(обнимая Никиту)*. Слава тѣ, Христось! Остался ты, мой Микитушка, со мной!

Ник. Поблагодаримъ Бога и за себя, и за всю волость, что избавились отъ мошенника.

Степ. Продли Богъ вѣкъ нашему губернатору за его правду и пошли ему Господь, чего душенька желаетъ! *(Бросаясь на колѣна)*. А нашему батюшкѣ, православному царю, пошли Господи многая лѣта, што приказываетъ насъ

бѣдныхъ не давать въ обиду и такихъ добрыхъ губернаторовъ намъ насылаеть!

(За кулисами слышенъ голосъ губернатора). Лобъ!

(Голоса солдатъ, по одиночкѣ громко кричащихъ).
Лобъ—лобъ—лобъ!

(Голосъ воющаго Шельменка). О, пропав же я тепер на свѣті! Ой, лишечко, лишечко!

(Занавѣсъ опускается).

ПР.
1953

394521

789

7907

26/03/18

бѣдныхъ не давать въ обиду и таки
ровъ намъ насылаеть!

(За кулисами слышенъ голосъ гу

Голоса солдатъ, по одиночк

Лобъ—лобъ—лобъ!

(Голосъ воющаго Шельменка). О
свѣті! Ой, лишечко, лишечко!

(Занавѣсъ опускае

ПР.
1953

394521

1.50

НБ ОНУ

797907

26/03/18

10

1907 г.

Библиотека имени П. Мечникова